

Господин адвокат

Фридрих Незнанский

Последняя роль неудачника

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Последняя роль неудачника / Ф. Е. Незнанский — «Автор»,
— (Господин адвокат)

Адвокат Гордеев получает назначение в подмосковный филиал фирмы. Эта перспективная работа Гордееву по душе, но он немного растерян: необходимо начинать с нуля, обзавестись новой клиентурой. Но тут его отвлекает дело о пропавшей жене знаменитого художника Артемьева. Альбина Артемьева и сама по себе знаменита, она – супермодель. Поиски молодой женщины начинаются в Москве, продолжаются в Лондоне, а затем неожиданно приводят адвоката все в то же Подмосковье, в небольшой городок Зеленогорск. Труды Гордеева увенчались успехом, он виртуозно решил конкретную задачу, чем способствовал появлению у фирмы солидных клиентов в Подмосковье.

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Вместо пролога	5
Часть первая	7
1	7
2	10
3	12
4	15
5	19
6	22
7	24
8	29
9	31
10	34
11	39
12	42
13	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Фридрих Незнанский

Последняя роль неудачника

Вместо пролога

«На Кольцевой автострате в Москве недавно поймана с поличным банда, занимавшаяся „автоподставами“. Оперативники „вели“ ее несколько месяцев. Преступники занимались новым, весьма прибыльным промыслом: подставляли свои автомобили под удар, а затем вымогали с шокированных водителей деньги. Навар исчислялся десятками тысяч долларов в месяц.

Вот самая банальная ситуация, которой могут воспользоваться «подставлялы». Во время движения в транспортном потоке с небольшой скоростью внимание водителя, как правило, чуть ослаблено. Мало кто хочет пропускать вперед других, а тем более излишне ретивых и невоспитанных. Те вклиниваются в ряд перед вами без соблюдения мер безопасности. Дистанции сохраняются минимальные. В подобных условиях резкое торможение идущего впереди автомобиля – и вы въехали в его заднюю часть.

Встречается и другая комбинация «подставы». Вы движетесь в крайнем левом ряду. Вашу машину догоняет другой автомобиль и начинает подавать вам световые или звуковые сигналы: мол, уступи дорогу. Тороплюсь-де, обгон справа запрещен. Вы, не желая, чтобы на хвосте «висел» этот нервный водитель, начинаете уходить на соседнюю, правую полосу. Движущийся до этого по данной полосе и в отдалении, как правило, темного цвета автомобиль вдруг резко увеличивает скорость. Быстро поравнявшись с вами, он подставляет левое переднее крыло, а то и дверь.

Каков же портрет автомобиля для «подставы»? Как правило, это машина начала девяностых годов выпуска, поскольку более свежие автомобили бить жалко. Повредив подставляемый автомобиль, его владельцы, как правило, не проводят качественного ремонта. Делать это им невыгодно. Уже поврежденный участок кузова можно подставить еще разок, и тогда попробуй установи, сколько раз били в это место. На таких автомобилях заметны следы повреждений, слегка замаскированные только для того, чтобы они не слишком бросались в глаза.

Главная цель «подставы» – получить деньги за причиненный автомобилю ущерб, причем как можно быстрее. Разбирательство в ГИБДД или в суде не привлекает «подставлялу», поэтому практически сразу на месте происшествия «виновный» водитель подвергается жесткому психологическому прессингу. Раздаются угрозы, предложения купить машину, поменяться машинами и т. д. Может последовать предложение обойтись без ГИБДД. Мол, и деньги на ремонт выложишь, и штраф платить будешь, а то и водительского удостоверения лишишься, так чего же ради? Часто мошенники весьма эффективно разыгрывают представление с участием «доброго» водителя и «злого» пассажира, или наоборот. При разбирательствах на дороге «злой» существенно завышает размер причиненного ущерба, ругается, угрожает, заявляет, что автомобиль был недавно выставлен на продажу за бешеные деньги, и теперь «чайник» должен его приобрести. «Добрый» успокаивает «злого», звонит по сотовому телефону в автосервис. В результате такого спектакля размер ущерба может существенно снизиться, но при условии, что деньги будут выплачены немедленно!

Так как «подстава» происходит при явном нарушении требований правил дорожного движения (ПДД) «виновным» водителем, то из двух зол ему приходится выбирать наименьшее... Человека, по существу, загоняют в угол.

Иногда «подставляле» не удается достаточно сильно повредить свой автомобиль. Второй участник ДТП, видя, что повреждения мелкие, готов на месте заплатить определенную сумму денег. Стороны договариваются о размере компенсации ущерба, происходит передача денег,

и «виновный», радуясь, что легко отделался, покидает место происшествия. Однако не тут-то было! Следует звонок в ГИБДД и сообщается, что водитель с места происшествия скрылся, номер его автомобиля такой-то. После задержания недоумевающего водителя сотрудниками ГИБДД его обвиняют во всех грехах, а «подставляла» наотрез отказывается подтвердить тот факт, что уже получил компенсацию ущерба. В подобной ситуации, если уж вы решили обойтись без ГИБДД, зафиксируйте возмещение ущерба распиской. В ней укажите, кому, за что и сколько вы передали денег. Но напоминаем, что в соответствии с п. 2.6 ПДД игнорирование ГИБДД при ДТП не допускается...»

По материалам газет

Часть первая

1

Жара уже который день стояла такая, что мухи летали лениво, а птиц вообще не было видно. Если бы не отменно работающий кондиционер, Гордееву пришлось бы совсем туго – в последние дни он много разъезжал. Поэтому он не мог нарадоваться на свой относительно новый «опель-корсу». Машина была что надо. И угораздило же его попасть со своим любимцем в передрагу! Даже когда со старой развалиной на дороге что-то случается, ее владелец переживает. А уж тут... Впрочем, у каждого своя голова на плечах, и каждый сам решает, как ему поступать – вызывать ли, к примеру, инспектора ГИБДД (или опять ГАИ – Гордеев уже запутался в этих переменах) в случае ДТП или не вызывать. Адвокат Юрий Петрович Гордеев поначалу решил не вызывать, он очень торопился. И чуть было не влип в историю.

А дело было так. Юрий Петрович ехал в Химки, по делу. Глава адвокатской конторы, в которой работал Гордеев, знаменитый адвокат Генрих Афанасьевич Розанов предложил ему открыть там филиал их фирмы и лично его возглавить. Почему в Химках? А почему бы и нет? Во-первых, рукой подать до Москвы, а во-вторых, у Розанова были тесные связи с верхушкой этого подмосковного города. Правда, Гордеев резонно указывал своему шефу, что не сегодня завтра там пройдут перевыборы, и кто окажется у власти – еще большой вопрос, но Розанов, старый лис, только хитро улыбался. И было отчего. Ведь еще две недели назад казалось, что дела в десятой юрконсультации – хуже некуда: уволили двух секретарш, отказались от половины арендуемого офиса. Однако по многолетнему опыту работы Гордеев знал, что резкие сокращения обычно связаны с тем, что затевается какое-то крупномасштабное мероприятие, уже не влезающее в смету. Так оно и оказалось: буквально вчера Розанов заявил, что они «себя переросли» и нужно срочно что-то менять, что от клиентов отбою нет и кадров не хватает, что лучшие дела забирают конкуренты, и еще много чего другого заявил шеф – такого же противоречивого... В общем, все это было не важно, а важно было то, что, возможно, ждал Юрия Петровича новый крутой вираж в его жизни.

– И что же я там буду делать? – скептически спросил Гордеев у шефа.

– Как что? Нарращивать клиентуру! Это самое главное! Зарабатывать кучу денег, что тоже немаловажно! – Уж если Розанов что-то придумывал, то в восторге от собственных идей находился неизменно и начинал «генерить» следующие.

– Разве у нас ее мало – клиентуры?

– У нас не всегда та, которую мы бы хотели видеть. А нам нужна – отборная.

– Каждый человек имеет право на помощь адвоката, – напомнил Гордеев своему начальнику и учителю прописную истину.

– Всецело с тобой согласен! И все же, все же, надо наращивать обороты! В общем, я хочу, чтобы ты поработал в Химках, и точка. Причем самостоятельно, что особенно, на мой взгляд, для тебя важно в организационном плане. И еще я хочу, чтобы ты прибрал к рукам северную часть Подмосковья.

Гордеев поежился.

– Подмосковье – оно большое. И звучит как-то криминально – прибрал к рукам... Что это значит вообще?

– Ты понимаешь, что я хочу сказать. Жители ближайшего Подмосковья, его северной части, должны знать, что существует только одна стоящая юридическая консультация.

– Генрих Афанасьевич, да я же не справлюсь один, если они действительно косяком попрут!

– В этом весь смысл идеи – ты их будешь в Москву отправлять, ко мне.

– А поедут? – засомневался Гордеев. – На фига козе баян? Зачем ехать в столицу, если можно найти квалифицированную помощь в своем городе?

– Опять двадцать пять! Начнем с Химок! – отрезал Розанов. – Квалифицированная помощь там – это будешь ты.

– Ох, не знаю, – покачал головой Юрий Петрович.

– Ты тоже уже большой, Юрочка. Пора становиться боссом. – Розанов лукаво улыбнулся. – Как тебе должность заместителя директора по филиалу? Звучит?

– Вы считаете, пора? – усмехнулся Гордеев.

– Юра, я считаю – пора! – торжественно ответил Розанов. – У тебя приличный опыт работы, причем самой разнообразной. Ты знаешь жизнь, в конце концов!

Гордеев снова ухмыльнулся. Ему было и приятно, и одновременно тревожно. Что-то выйдет из всей этой истории?

И все же он пробурчал:

– В наше время, когда говорят, что человек знает жизнь, подразумевается, что он не слишком честен.

– Ну к тебе это уж точно не относится. Хотя остроумно, надо запомнить.

Розанов был великий мастер по использованию чужих афоризмов. А впрочем, не в том ли и состоит искусство адвоката – ловко использовать чужие слова, чужие факты, чужие поступки?

Гордеев миновал поворот на Ховрино, затем окружной пост ГИБДД и проехал развилку на Бусиново. Тут Москва, по сути, и кончилась. Гордееву стало скучно, и он включил радио.

После «Машины времени» и каких-то малоизвестных и маловразумительных исполнителей последовал блок новостей. Гордеев узнал, что президент находится с визитом в одной из стран СНГ, что доллар неумолимо заваливается по отношению к евро и что жара в ближайшее время вряд ли спадет, так что до конца лета москвичам, особенно пожилым и склонным к сердечно-сосудистым заболеваниям, не рекомендуется выходить из дома без головных уборов, а рекомендуется – пить побольше жидкости, той, которую вообще можно пить в больших количествах, то есть не алкоголя, конечно. Словом, поддерживать на уровне водно-солевой баланс. Вообще же, по предупреждениям синоптиков, жителей России ожидали не только зной, но и пожары. Например в Сибири и на Урале, где стоит небывалая жара, леса уже полыхают. А по прогнозам МЧС, суховей в ближайшие недели может добраться до Москвы. Метеорологи намекали, что может повториться сценарий 2002 года, и столицу вновь накроет густой смог горящих торфяников. Что же касалось Подмосковья, то особый противопожарный режим в самом пожароопасном, Шатурском, районе начал действовать, как только сошел снег – еще весной. Хотя пока запрещающие въезд в лес плакаты выглядели неуместно – воздух в Подмосковье пока что был чист и свеж, никакой гари. Гордеев знал это наверняка: недавно они с Турецким и Грязновым-старшим выезжали на шашлычок.

Было воскресенье, вторая половина дня; Розанов сказал, что встреча с нужными людьми в Химках должна быть неформальной, так будет гораздо лучше для дела. Дачники на машинах возвращались в раскаленный город, и Гордеев ехал осторожно. В это время (именно в воскресные, равно как и в пятничные вечера) нужно было держать ухо востро. Москвичи, спешащие накануне выходных за город и возвращающиеся в воскресенье вечером обратно, из-за заторов часто выезжали на встречную полосу. По пятницам и воскресеньям ГИБДД закрывала на это глаза и с целью ликвидации автомобильных пробок использовала опыт западных стран, где проблема решается путем временного выделения дополнительных полос. Чтобы дачники смогли быстрее добраться до своих загородных владений, а потом так же оперативно вернуться назад, сотрудники автоинспекции на ряде магистралей при выезде из города отде-

лили от встречного движения одну полосу специальными ограничителями и выставили дополнительные посты ДПС. Нововведение, направленное на увеличение пропускной способности городских магистралей, должно было действовать до конца летнего сезона и только в случае возникновения заторов. Правда, наши водители запросто выскакивают на встречную где угодно. Впрочем, Юрий Петрович не особенно нервничал: он гордился своим умением водить машину, и, к примеру, Турецкий, часто оказывавшийся пассажиром в его машине, не раз отмечал, что из него вышел бы первоклассный гонщик, реакция у Гордеева была на высоте.

...Гордеев переключился на другую радиостанцию и услышал, что студенты Массачусетского технологического института создали список из десяти самых ненужных изобретений. Гордеев не так давно занимался делом, в котором не последнюю роль играл один иностранец, французский инженер¹, выпускник этого самого Массачусетского технологического, так что Гордеев невольно заинтересовался сообщением. Для определения десяти самых ненужных изобретений какие-то остроумцы объявили на сайте института конкурс, на который было прислано полтысячи различных изобретений. И первое место заняло... водоотталкивающее полотенце.

Гордеев расхохотался.

Второе и третье место поделили «Звуконепроницаемый микрофон» и «Форточка для подводной лодки». Ну и ну! Четвертое – книга о том, как научиться читать самостоятельно.

– Тоже недурно, – пробормотал Гордеев.

Ну а дальше следовали: надувная мишень для игры в дартс, оглавление для словаря, подводный парашют, растворимая вода и стул на колесиках с педальным приводом...

Какое гениально-бессмысленное изобретение заняло последнее место, Гордеев услышать не успел, потому что тут в его «опель» врезалась машина. Вернее, как смог мгновение спустя сообразить оправившийся от шока адвокат, это он врезался в другую машину – в правый бок черного триста двадцатого «мерседеса»...

2

Тут уместно сделать небольшое отступление, а именно – объяснить, почему выбор Розанова в определении главы нового филиала пал на Гордеева, несмотря на наличие в адвокатской конторе и других высококвалифицированных юристов.

Хотя Гордеев и был звездой первой величины, акции его в последнее время здорово пошатнулись, возможно, из-за того, что дела, которые приходилось ему вести, были несколько авантюрными, чему он в немалой степени был обязан своей дружбой с Турецким и обоими Грязновыми – обычно именно эта троица снабжала Гордеева клиентами, которые причиняли страшную головную боль. В результате Юрию Петровичу приходилось проявлять не только свою юридическую компетентность, но и качества оперативного работника, благо не так давно он работал в Генеральной прокуратуре. Розанову, человеку академического склада, это не могло особенно нравиться. Но тут случилось одно дело, связанное с автомобильным страхованием, которое перевернуло все с ног на голову. Или, возможно, наоборот – привело к нормальному состоянию.

Согласно вступившему в силу Закону об обязательном страховании автогражданской ответственности, каждый автовладелец был обязан до конца года застраховать свой риск попадания в аварию. Страховые компании должны были сформировать денежный фонд, из которого будет возмещаться ущерб пострадавшим в дорожно-транспортных происшествиях. Стронники нового закона утверждали, что отныне уровень страховой культуры и социальной защищенности автомобилистов значительно повысится. Ха! По оценкам специалистов, с которыми консультировался Гордеев, не меньше шестидесяти процентов страховых мошенничеств теперь приходится на автострахование, и за этим не всегда следует наказание виновных. Этот вид преступлений характеризуется высокой латентностью по очень простой причине: выявить его сложно. Если это все же удастся, то страховые компании предпочитают умалчивать об этом, и немудрено – они дорожат репутацией.

И вот Розанов поручил Юрию Петровичу два дела, связанные со страхованием машин, попавших в ДТП, намекнув, что там может быть нечисто. Так и оказалось!

Как удалось выяснить Гордееву, аферисты уже при заключении договора использовали чужие, взятые на время или поддельные документы и завысили стоимость машины для получения более высоких выплат.

По здравом размышлении Гордеев пришел к выводу, что в связи с принятием нового закона число афер увеличится.

– Насколько же больше станет страховых мошенников? – вздохнул Розанов.

– Время покажет, – беззаботно отмахнулся Гордеев. – Но главное, мне кажется, с обманом придется сталкиваться при наступлении страхового случая. Самая незамысловатая схема, например, – угон застрахованной машины по предварительной договоренности с ее хозяином. Естественно, кроме страховки владелец авто получит часть денег от продажи краденного...

– Ладно, все это ерунда, – отмахнулся Розанов. – Зато теперь, Юрочка, перед нами открывается роскошная перспектива – будем завоевывать ближнее Подмосковье. Вот скажи, как тебе кажется, ты со временем умнеешь или глупеешь?

– Что? – удивился вопросу Гордеев. Как-то это было не в стиле Генриха Афанасьевича, да и звучало, пожалуй, не совсем корректно.

– Ну что происходит с тобой с возрастом?

– Почем мне знать?

– Ты же умный человек, ты постоянно используешь свои мозги, это твое основное орудие труда, верно?

– Пожалуй.

– Так как же тогда?

– В вашем вопросе есть какой-то подтекст, Генрих Афанасьевич? – Он тут же пожалел о своем вопросе. Во всем, что делал и говорил Розанов, был подтекст. Это, в общем-то, было сутью его натуры. Он, старый адвокат, воспитанный и заматеревший в исключительно советской системе координат, не мог объясняться с коллегами иначе, как эзоповым языком. Он никогда ничего не говорил впрямую. Он никогда откровенно не выказывал своих намерений. Но тем интересней с ним было иметь дело, и Гордеев никогда не жалел, что связал свою профессиональную судьбу с его фирмой, хотя предложений перейти в другое место было с избытком.

– Ну так как же? – снова поинтересовался старый адвокат.

– Я думаю, следует заметить, что хотя наши умственные способности – врожденные, так же, как и главные свойства характера, но интеллект наш отнюдь не столь неизменен, как характер, а способен развиваться.

– Почему?

– Это обусловлено частично тем, что основа интеллекта – все же физическая, частично тем, что материал его – эмпирический, чувственный, иначе говоря.

Розанов довольно хмыкнул:

– Продолжай.

Юрий Петрович поскреб затылок.

– Ну... Интеллектуальные силы равномерно растут, доходят до апогея, после чего начинают постепенно же падать, вплоть до... до... идиотизма.

– До маразма, ты хочешь сказать? – хохотнул Розанов.

– Я так не говорил... С другой стороны, материал, которым оперирует ум, то есть знания, опыт, объем информации, есть постоянно растущая величина, растущая, впрочем, только до наступления расслабления ума, когда все это исчезает. Возможно, это смешение в человеке неизменного элемента – характера – с элементом, изменяющимся равномерно в противоположных направлениях, и объясняет различие его черт и достоинств в разные периоды его жизни. Скажем, если взять за среднюю продолжительность жизни человека лет семьдесят, то, с учетом предыдущей моей мысли, этот срок уместно было бы поделить на две части: ну, скажем, четыре к трем. И еще непонятно, какая из них больше влияет на другую...

– Ага! – Розанов удовлетворенно потер руки. – То есть в более широком смысле можно сказать, что первые сорок лет нашей жизни составляют некий текст, а дальнейшие тридцать лет – комментарий к этому тексту, позволяющий нам понять его истинный смысл и связность и сделать выводы.

– Ну, – пожал плечами Гордеев, – если вам так угодно...

– Мне угодно послать тебя в командировку.

Гордеев пожал плечами.

– В другой город, – добавил Розанов, улыбаясь.

– Вот как, – пробормотал Юрий Петрович.

– Точнее будет сказать, Юрочка, – Розанов улыбнулся все шире, – я хочу перевести тебя туда на работу.

– Что?!

– То самое, что ты услышал.

Оказалось, что страховое агентство, которое пострадало, но благодаря усилиям Гордеева вывело мошенников на чистую воду, возглавляют два брата-близнеца – племянники главы администрации славного города Химки, а с ним Розанов неплохо знаком.

И пришлось Гордееву ехать в Химки.

3

...Только ГИБДД мне сейчас не хватало, с тоской подумал Юрий Петрович, вспоминая, что проехал пост буквально несколько минут назад.

А из «мерседеса», в который он врезался, вывалился детина весом килограммов в сто двадцать. С пассажирского места на Гордеева с любопытством поглядывала хрупкая блондинка. Разглядеть, насколько она хороша, Гордеев не успел.

– Ну че, братан, – рванул рубаху на груди водитель, обнажая какую-то татуировку, – башлять будем или в носу ковырять?!

Гордеев любил квалифицировать людей, сидящих за рулем. И сейчас он решил, что определенно имеет дело с психом. Городские сумасшедшие водители от аналогичных пешеходов отличаются только тем, что рулят. Вид имеют нервный и воинственный, любят прижаться вплотную к идущей впереди машине и страшно матерятся, если она еле плетется. Каждый, кто их обогнал, как минимум продал родину, а на вырученные деньги купил права.

Гордеев, не говоря ни слова, обошел «мерседес» и посмотрел повреждение. Вмятина была основательная – на обеих дверцах.

Ну и влип, подумал Юрий Петрович. Вот ведь ирония судьбы, а? Только на днях сам распутывал дела, связанные со странными ДТП, и нате вам. И ведь некого винить – сам же, как какой-нибудь «чайник», во всем виноват.

Водителю «мерса» на вид было лет двадцать пять – двадцать восемь. Определить его социальный статус для опытного адвоката труда не составило. Прибандиченный, как сейчас говорят, юноша. И что же, интересно, дальше?

– Значит, короче так, – взвинчивая себя, сказал пострадавший от наезда Гордеева водитель. – Сам видишь – проблему мне сообразил на пустом месте. Твое счастье – я тороплюсь. Давай потроши бумажник и разбежимся.

– И... сколько же я должен?

– Сколько должен? Сколько должен?! Да ты хоть знаешь, что я тачку только вчера на продажу выставил?!

Тут Гордееву стало уже совсем не по себе, действительно ситуация – хуже не придумаешь, и претензии этого детины обоснованны, хотя...

Гордеев облизал пересохшие губы и спросил:

– Но сколько вы хотите?

Водитель окинул взглядом свою машину и отрезал:

– На два с половиной косаря ремонт потянет... – Помолчал немного и добавил: – Ну ладно, полштуки скинем на бедность. В общем, гони две тысячи, и я поехал.

Нет, он не псих, неожиданно подумал Гордеев, нет, тут что-то другое...

– Две тысячи рублей? – переспросил адвокат невинным голосом.

– Чего?!

– Я говорю, две тысячи рублей?

– Ты... ну ты...

Гордеев не реагировал на то, что ему «тыкает» сравнительно молодой человек, его сейчас волновало другое. Присмотревшись повнимательней, Гордеев увидел, что «мерседес» его визави явно не новый. И тогда он кое-что сообразил.

– У вас машина десятилетней давности, – сказал Юрий Петрович вполне вежливо.

– Чего?! – еще больше вытаращил глаза детина.

– Вы слышали. – Гордеев уже начал догадываться, что происходит.

– Гони две штуки зеленых, урод, иначе...

– Что «иначе»? – с любопытством спросил Гордеев.

На детину его спокойствие, видимо, произвело отрезвляющее впечатление, но, очевидно, у него был некий план, сообразно с которым он и действовал. Гордеев понял это по ходу развития ситуации.

– Значит, так, – сказал детина. – Обойдемся без ментов. Обоим же лучше, верно? На фига нам менты вонючие?

Гордеев молчал, слушал, что будет дальше.

– Вася, – подала голос девушка, – ну что ты так наезжаешь, разве не видишь, какой интеллигентный человек? – Она наконец вышла из машины, и теперь Гордеев и детина стояли по одну сторону «мерседеса», а она по другую. – Может, правда, ущерб не так уж велик? Пусть платит тысячу, и мы разъедемся, ты не забыл, милый, что у нас сегодня еще много дел?

Блондинка была очень даже ничего, у нее были зеленоватые глаза и родинка на левой щеке.

– Какую тысячу, какую тысячу?! – распалялся детина. – Ты посмотри, что он нам с машиной сделал!

Между тем что Гордеев сделал с машиной, сам детина видеть не мог, потому что стоял по другую сторону. Адвокат это оценил и чуть усмехнулся.

– А я говорю, – настаивала блондинка, – тысячу! И точка!

Ну и парочка, подумал Гордеев. Прямо «добрый следователь» и «злой следователь».

Детина развел руками, как бы уступая женскому капризу, повернулся к Гордееву, но сказать ничего не успел, Гордеев его опередил.

– Ну вот что, – сказал адвокат. – Здесь недалеко пост ГАИ. Точнее, ГИБДД. Я думаю, если мы их вызовем, от ваших тысяч останется пара сотен рублей. Кроме того, вашу машину можно отправить на экспертизу. И тогда...

– Это еще зачем?

– Затем, что, допустим, уже поврежденный участок кузова можно подставить под удар еще разок, и тогда попробуй на глаз установи, сколько раз били в это место. Но вот доказать, свежая вмятина или нет – можно...

– Ты что, баклан? – взбесился водитель «мерседеса», снова рванув на себе рубашку и двинувшись Гордееву навстречу.

– Вася, оставь в покое рубашку, я тебя умоляю, – нервно сказала девица, открывая на всякий случай дверцу «мерседеса».

Гордеев невольно обратил внимание на татуировку под левой ключицей: ангелочек со свечой и надпись: «Святой Отец, спаси и сохрани раба Божьего Ми...». Дальше видно не было, но и так – очень трогательно, подумал Юрий Петрович, пытаясь сохранять хладнокровие, что, однако же, в данных обстоятельствах сделать было непросто. Они стояли уже вплотную друг к другу.

Гордеев сунул руку в карман.

– Да срал я на твою ксиву! – зарычал детина.

Гордеев между тем никаких удостоверений вынимать не собирался – это было обманное движение, отвлекающее от второй руки в частности и от его истинных намерений вообще. Детина, наткнувшись на железный кулак бывшего боксера, согнулся пополам, а секунду спустя Гордеев вывернул его запястье так, что тот очень несолидно взвизгнул, и упер его лбом в «мерседес».

Блондинка от изумления чуть присела и показалась Гордееву еще привлекательнее.

Гордеев сказал детине безо всякого выражения:

– Кое-что люди ошибочно принимают как величину постоянную – например, свои зубы.

– Я... мне... – пробулькал детина.

Гордеев быстро вывернул его карманы, там оказались права на имя Василия Ивановича Кияшко 1975 года рождения. Что ж, надо запомнить.

– Эй! – закричала блондинка. – Мы все поняли, мы уезжаем!

Гордеев с сожалением глянул на часы (на встречу он опаздывал безбожно), впихнул обмякшего детину в «мерседес», сел в свою машину и погнал в Химки...

Остаток дня прошел более-менее спокойно. Организационные вопросы в Химках, которые ему поручил Розанов, Гордеев благополучно решил.

4

К полудню понедельника Гордеев «пробил» номер злополучного «мерседеса», а заодно и самого Василия Ивановича Кияшко. Хотя «пробил» – не совсем точно сказано, потому что результат получился обескураживающий. Ни одного Василия Ивановича Кияшко 1975 года рождения в Москве не проживало и даже временно зарегистрировано не было. Трое В. И. Кияшко в Москве тем не менее нашлись (Владилен Ионович, Владимир Игоревич и Виктор Илларионович), младшему из них было сорок семь лет, старшему – восемьдесят девять. Номер «мерседеса» оказался и вовсе ворованный, он числился за находящимися в угоне «Жигулями» шестой модели.

И что же теперь было делать? Составлять фоторобот детины из «мерседеса»? А что, собственно, он, гражданин Гордеев Ю. П., мог заявить в правоохранительные органы? Свидетелей его столкновения с «мерседесом» не было...

Помимо прочего во всей этой истории Гордееву не давала покоя татуировка. Вполне возможно, она имела какой-то вполне определенный смысл. Жалко только, что имя «раба Божьего» он не разглядел. А Юрий Петрович привык доверять своей интуиции в подобных ситуациях.

Всякому профессионалу, имеющему отношение к уголовным делам, известно, что воровские татуировки – это одновременно и «паспорт», и «досье», и «орденские книжки», и «грамоты», и «эпитафии» конкретного человека. Не посвященный же в тайный смысл воровских татуировок воспринимает их как хаотический, случайный набор знаков. В действительности же это некое смысловое послание. Но то – воровские! А тут? «Святой Отец, спаси и сохрани раба Божьего Ми...» Странноватая комбинация. Особого христианского смирения Гордеев у своего оппонента не заметил.

И он позвонил Филиппу Агееву. Больше всего Гордеев опасался издевательства и насмешек, но Филия отнесся к проблеме серьезно. Он, работавший уже не первый год в частном сыском агентстве, прошел муровскую школу и, самое главное, был хорошо знаком с широко известным в узких кругах криминалистом по фамилии Гальцев. Гальцев был на пенсии. Филия живо с ним созвонился, и они с Гордеевым отправились к пенсионеру, который жил в спальном районе на юго-западе Москвы.

Гордеев вроде бы что-то об этом Гальцеве слышал, но что именно – припомнить не мог, и Филия по дороге рассказал, что Иван Трофимович вообще-то на все руки мастер, но главный его конек – татуировки. Никто лучше него не был знаком с русскими воровскими традициями в этой области изобразительного искусства. И если в той наколке, что видел Гордеев, есть какой-то криминальный смысл, то Гальцев его разгадает.

– Есть у него и другая страсть, имей в виду, Юра, – предупредил Агеев. – Он страстный кулинар и обязательно попросит нас к столу, но лучше это приглашение не принимать, потому что закормит он нас так, что сами мы оттуда не выйдем.

– Понял, – кивнул Гордеев.

– И еще, – сказал Филия, показывая адвокату, где свернуть во двор (они уже приехали), – имей в виду, если Гальцев не начнет с фразы «Язык татуировок – это колоссальный набор символов и передаваемые в устной традиции правила их сочетания и чтения», то дело твое дрянь, никакого конкретного результата ты не получишь. В общем, это будет означать, что ему нечего сказать, вернейшая примета. И тогда надо немедленно сваливать, иначе его болтовню не остановить.

Гордеев пожал плечами: мол, что ж поделаешь, у всех свои тараканы.

По-видимому, в ожидании гостей старый криминалист колдовал на кухне, с которой доносились умопомрачительные ароматы. У Гордеева нос невольно вытянулся в ту сторону, и бдительный Филя дернул его за рукав.

В квартире было жарко, и хозяин, усадив своих гостей в гостиную, предложил им прохладную минералку.

Гордеев, не вдаваясь в подробности, рассказал Гальцеву, что столкнулся с человеком, прошлое которого ему хотелось бы разгадать. Может быть, это удастся сделать с помощью татуировки?

Гальцев внимательно выслушал его, покивал. Сказал:

– Сплошь покрытое татуировками тело русского бандита является прежде всего языковым объектом. Язык тату – это грандиозный набор символов и...

Эта мысль Гордееву понравилась, и он задал вопрос:

– Можно ли сказать, что этот язык подобен воровскому сленгу и играет похожую роль – скрывает тайную «воровскую» информацию от непосвященных «фраеров»?

– Браво, – оценил Гальцев, – сразу видно профессионала! Как и в аргю, в котором нейтральные литературные слова оказываются наделенными особыми «узко профессиональными» значениями, в татуировке используются обычные на первый взгляд, всем знакомые знаки, например обнаженная женщина, черт, горящая свеча, темница, змея, летучая мышь, для передачи тайного знания. Язык этот предельно социален и предельно политизирован. Человеческая кожа играет роль мундира, покрытого орденами, знаками чинов и отличий. Кстати, на воровском жаргоне комплект воровских татуировок называется «фрак с орденами». – Тут он довольно хихикнул. – Так что о мундире можно говорить не только метафорически, поскольку эти метафоры способны реализовываться. И не только в аргю, но и в самих тату. Так, существует множество наплечных татуировок, которые изображают самые настоящие погоны советского образца, со звездами или черепами вместо них, или германские погоны армии фюрера. Мундир, таким образом, буквально рисуется на теле человека. Итак, весь послужной список вора, вся его биография воплощается в таких социальных татуировках. Здесь все его взлеты и падения, назначения на новые «должности» и разжалования, тюремные «командировки» и переходы на новую «работу». Представляете?!

Тут Гордеев сообразил, что Гальцев так и не сказал фразу, о которой предупреждал Филя, и беспомощно посмотрел на приятеля, но тот лишь сердито сверкнул глазами: сиди, мол, теперь, мучайся!

Гордеев кашлянул пару раз, но хозяин не обратил на это никакого внимания: он оседлал любимого конька.

– ...Один из жанров татуировки – так называемый автограф. Как правило, это имя «владельца тела» или любой символ, заменяющий его. В современной культуре подобные тату часто несправедливо воспринимаются как проявление «бескультурия». Такое восприятие обостряется тем, что тело в современной цивилизации – это самый ценный объект, который нельзя «портить».

Гордеев снова заинтересовался:

– Так что же, татуировки на теле с такой точки зрения – это все равно что надпись «Здесь была Маша» на «Мадонне» Рафаэля?

Агеев засмеялся, а Гальцев, кажется, оторопел. Вопрос застал его врасплох.

– Ну, – помялся старый криминалист, – с такой точки зрения тату оскверняет тело. Но... но с другой точки зрения – наоборот! Чем выше объект, тем значимей статус надписи, сделанной на нем. Тело человека сотворено Господом, и прописанное на нем имя – это как надпись на иконе, как буквенные знаки на кресте. Имя собственное, нанесенное на тело, обращено уже не столько к прохожим, сколько к вечности! Да и вообще, молодые люди, времена ведь сильно

изменились. Например, сейчас много салонов, где делают татуировки с помощью современного оборудования и рисуют что хотят сами или по желанию клиента.

– Восточные мотивы стали очень популярны, – заметил Филя, – иероглифы там всякие, шмиероглифы...

– Вавилонское смешение культур, – кивнул Гальцев. – Но хотел бы заметить, что язык татуировок – это колоссальный набор символов и передаваемые в устной традиции правила их сочетания и чтения.

Филя Агеев вздохнул с облегчением.

– Так что там было, вы говорите, на вашем знакомом или малознакомом? – уточнил Гальцев у Гордеева.

– Изображение ангела со свечой и надпись «Святой Отец, спаси и сохрани раба Божьего». И еще две буквы... «Ми». Возможно, раба Божьего Михаила.

Гальцев покивал.

– Это классический оберег. Защита. Татуировка-талисман.

– У меня когда-то был клиент, – припомнил Гордеев, – с наколкой «Спаси от легавых и суда».

Гальцев кивнул.

– Тоже оберег. Вообще же оберег в воровском мире – это татуировка с изображением Иисуса Христа, Богородицы, архангелов, святых, ангелов, церквей, монастырей, креста, черепа человека или без такового. Например, существует еще известный воровской оберег-тату «Да принесет мне воровскую удачу царица небесная».

– Значит, такого рода наколки у них в ходу?

– Ха!

– Значит, возможно, что человек этот, так сказать, зону топтал?

– Ха, – снова подтвердил Гальцев. – Это более чем возможно! – И тут же добавил: – Но не безусловно. А не желаете ли разделить с пенсионером скромную трапезу?

– Э, – вмешался Филя, – э... правильно ли будет сказать, Иван Трофимович, что тело вора представляет собой не разрозненный набор знаков языка тату, а целостный и сложнейшим образом организованный речевой акт?

Гордеев с изумлением уставился на своего приятеля (излагать мысль таким наукообразным образом было совсем не в его стиле), а пожилой криминалист одобрительно покивал седой головой.

– Совершенно верно, – с удовольствием и одновременно с некоторым разочарованием сказал Гальцев. С удовольствием – от беседы с просвещенными людьми, с разочарованием – оттого что мысль была закончена за него.

Тут Гордеев сообразил, что Филя, видимо, просто знает наперед все фразочки и ходы старого криминалиста и сейчас просто завершает их светский диалог.

В лифте Гордеев сказал язвительно:

– Продуктивный визит, ничего не скажешь!

Филя развел руками: ничего, мол, не поделаешь, как есть, так и есть.

Уже в машине договорились, что Филя займется этим делом. Некогда, работая в МУРе, он как раз специализировался на криминале, связанном с автомобилями. И по сей день Филю интересовали все дела, так или иначе связанные с машинами.

Они вместе съездили на Петровку, где по-прежнему трудился легендарный Эммануил Степанович Сазонов, уникальный специалист по созданию фотороботов, не признававший современной аппаратуры и работавший простым карандашом. Он умудрялся извлекать из сознания свидетелей уже подзабытые ими эмоции, которые помогали им, неожиданно для себя, многое вспомнить.

Довольно быстро Сазонов сделал два портрета – водителя «мерседеса» и его спутницы, и эти портреты Филя по своим каналам «зарядил» для проверки.

Гордеев воспринял это с некоторым облегчением. Конечно, было бы еще проще вовсе забыть о происшествии. Но не получалось. Да и не в его это было правилах.

Он отклонил пару предложений о совместном ужине (одно от женщины, другое от коллеги) и отправился домой. Поужинал в одиночестве, посмотрел телевизор (без звука – так полезней для душевного равновесия) и завалился с книжкой на диван. Это был Эрл Стенли Гарднер с его бесконечными историями про ушлых адвокатов и главного из них – Перри Мейсона. Нельзя сказать, чтобы Гордееву особенно нравился Гарднер и его персонаж, но некоторые приемы Мейсона не могли не вызывать восхищение, в частности, безукоризненно отработанный прием пикировки адвоката с государственными обвинителями, в которой обычно и выявлялась истина. Читая эти искрометные диалоги, Гордеев не раз признавался себе, что эта книжная жизнь выглядит очень правдиво. Ведь, по сути, уйдя из следователей в адвокатуру, он, Юрий Петрович Гордеев, стал даже больше, чем прежде, заниматься оперативной работой, хотя настоящий адвокат должен копать в бумажках, заниматься юридической казуистикой и выискивать бреши в позиции противоположной стороны, которую олицетворяют такие же крючкотворы. А впрочем, не исключено, что подобная бумажная рутина вскоре ему и предстоит – вот, например, в Химках.

5

Утром во вторник, запасшись двухлитровой бутылкой минеральной воды, Гордеев снова выехал в Химки – осматривать помещение, которое предполагалось арендовать под офис юридической консультации. На этот раз поездка прошла без осложнений, если не считать одного телефонного звонка. Когда он был на Кольцевой, его достал Вячеслав Иванович Грязнов.

– Юра, как живешь?

– Твоими молитвами, – осторожно сказал Гордеев.

– Стараемся, – скромно подтвердил Грязнов-старший. – А знаешь, у меня для тебя дельце. Сознайся, ты рад?

– Этого я и боялся, – честно признался Гордеев. – Что ты свалишься на мою голову и предложишь какое-нибудь дельце.

– Ты только не горячись. Ты сейчас где?

– Какая разница? – проворчал адвокат.

– Ну все-таки? Я звонил тебе в офис, мне сказали, что ты не в Москве. Это правда?

– Не совсем, я только выезжаю из города.

– Ага! А куда движешься?

– Еду в Химки.

– Видишь, как замечательно все складывается! – обрадовался Грязнов-старший. – А я тебе хотел предложить в Зеленогорск смотаться – в том же направлении, только немного дальше. Скажи, Юра, ты был когда-нибудь на тамошнем озере? Красотища неопиcуемая! И прохладно, никакого тебе раскаленного асфальта! Правда, здорово?

– Какое еще озеро? Какой еще Зеленогорск? При чем тут Зеленогорск?

– Сейчас объясню. Там, видишь ли, в беду попал один неплохой мужик. Ему нужен квалифицированный адвокат.

Гордеев не любил форс-мажорные ситуации, когда нужно было срочно выручать чьих-то знакомых, по дурости хапнувших взятку или что-то в этом роде.

– Хороший человек – это мент какой-нибудь?

– Откуда ты знаешь? – удивился Вячеслав Иванович.

– Просто так ляпнул, – сознался Гордеев, получая все же некоторое удовлетворение от собственной проницательности. Хотя, положи руку на сердце... за кого еще мог просить Грязнов-старший?

– Да, он когда-то в Москве работал, мы немного пересекались, не очень, кстати, дружелюбно, но мужик честный. Опер местный, Антон Малафеев.

– И в чем его обвиняют? – вздохнул Гордеев. У него появилось устойчивое ощущение, что Вячеслав Иванович уговаривает его ввязаться в очередную историю.

– Ничего особенного. Превышение служебных полномочий и прочая мутотень. Кажется, вошел в контакт с преступным миром или что-то в этом роде.

– Ничего себе.

– Да ты что, маленький, не знаешь, что это значит? Стукача небось себе рекрутировал, денег ему подбросил – вот и все дела. Ну, Юра, я тебя прошу!

Гордеев съехал в правый ряд и затормозил.

– Слава, ты в своем уме?

– Абсолютно. Надо помочь. Там на него здорово начальство окрысилось.

– Так, может, есть за что? – ляпнул Гордеев и тут же об этом пожалел: вступил в диалог, тем самым как бы фиксируя свой интерес.

– Не думаю, – с готовностью ответил Вячеслав Иванович. – Он там что-то вот-вот раскопает, кому-то, видно, на ногу наступил, а на него наехали, а он...

Гордеев подумал, что если его не прервать, то на свет сейчас родится целая гангстерская сага. Тем более на деле все всегда оказывалось немного не так, как Грязнов-старший представлял.

– И ты меня хочешь засунуть в это осиное гнездо? Благодарю покорно, у меня дел сейчас хватает. Еду вот в Химки – новый офис открывать.

– Значит, нет? – вздохнул Грязнов-старший. – Точно нет?

– Извини. Но я могу тебе кого-нибудь порекомендовать.

– Э, нет, – замялся Грязнов-старший, – там, видишь ли, нужен не просто адвокат, а кто-нибудь с навыками оперативной работы. И я подумал, что лучше тебя...

– Ну конечно, – усмехнулся Гордеев, – как я сразу не догадался... Ладно, давай так договоримся. Если за эту неделю никого на эту вакантную должность не найдут, тогда пусть мне позвонят, не исключено, что у меня все организационные дела более-менее рассосутся, и тогда, может быть... Но не обещаю.

Уже через полчаса в Химках Гордеев и думать забыл об этом телефонном разговоре – такая куча мелких проблем навалилась. Он и не подозревал, что аренда офиса для адвокатской конторы – очень хлопотное мероприятие. После того как все бумажные формальности были утрясены, а на это ушло добрых полдня, Гордеев из ближайшего магазина оргтехники, где он заказал необходимую для работы технику (три компьютера, факс, принтер и сканер), позвонил в Москву – отпрапортовать Розанову.

– Вот и чудесно, – сказал Генрих Афанасьевич, – а теперь, Юрочка, вызови своих приятелей – частных детективов, и пусть они проверят стены на наличие посторонних глаз и ушей, а сам...

– Вы серьезно? – удивился Гордеев, не дав шефу закончить фразу.

– Конечно. Не забывай, мы приехали на чужую территорию. Вполне возможно, что конкуренты тебе там вздохнуть не дадут.

– А как же ваши друзья? – намекнул Гордеев на местную администрацию. – Я думал, у нас тут будет режим наибольшего благоприятствования...

– Так ты же сам говорил – не сегодня завтра перевыборы. А они свое дело уже сделали – помогли нам тут устроиться, и еще первых клиентов подгонят. Точнее, уже подогнали. Об этом, собственно, и речь. Так что, после того как проверишь офис, сгоняй, голубчик, в Зеленогорск, там один человек нуждается в твоих услугах.

Гордееву показалось, что он ослышался.

– В Зеленогорск?

– Вот именно.

– Вы что, издеваетесь?! – вспылил Гордеев.

– Н-не понял? – удивился Розанов.

– Что происходит? Вам Грязнов звонил, да?

– Нет, мы с ним давно уже не общались. А почему ты так решил?

– Он мне тоже Зеленогорск сватал.

– Очень интересно. И кто же клиент?

– Какой-то мент.

В трубке воцарилось молчание.

– Генрих Афанасьевич? – забеспокоился Гордеев.

– Я здесь, Юрочка, я думаю, – откликнулся Розанов. – А скажи мне, не называя фамилий...

– Да не знаю я никаких фамилий!

– Еще лучше. Забудь об этом разговоре и спокойно езжай в Зеленогорск. Но не сразу, а постепенно.

– Как это? – удивился Гордеев.

– Очень просто, не сегодня и не завтра, выжди недельку и – открывай там офис.

– Еще один? – поразился Гордеев.

– А чего мелочиться? Я же сказал, надо завоевывать Подмоскowie. С нашим брендом – уже давно пора.

– Тяжела жизнь подростка, – вздохнул Гордеев. – Значит, все-таки надо ехать на это долбаное озеро?

– Езжай, Юра, езжай и не ругайся, пожалуйста, – пожурил интеллигентный Генрих Афанасьевич и отключился.

Гордеев вздохнул и позвонил в «Глорию» – попросил Колю Щербака, отличного специалиста по всякого рода шпионским хитростям, приехать к нему в Химки. Срочных дел у Щербака не было, и он обещал приехать немедленно.

Настроение у Гордеева было так себе. Получалось, что, отказав в услуге Грязнову-старшему, он теперь вынужден был все равно ехать в этот чертов городишко. Пусть он и выполняет распоряжение начальства, но и дружба ведь не пустой звук. Мог ли он отказаться? С формальной точки зрения, наверно, да, но и он сам, и Розанов прекрасно понимали, что тогда вся акция с его повышением лишалась глобального смысла.

Ладно, в любом случае, нечего бежать впереди паровоза, подумал Юрий Петрович, сперва надо выяснить, в чем проблема и можно ли ее максимально быстро решить. Может, дело выеденного яйца не стоит, тогда и Грязнова-старшего стесняться нечего будет. Он подумал, не позвонить ли прямо сейчас Грязнову – поставить его в известность о том, что ситуация повернулась на сто восемьдесят градусов, но решил не торопиться. Вот съездит в Зеленогорск, а на месте уже решит, что к чему.

Через полтора часа приехал Щербак, он прихватил с собой Филю Агеева и еще чемоданчик всякой хитроумной аппаратуры. Агеев, между прочим, сообщил Гордееву, что фотографии водителя «мерседеса» и его подружки идентифицировать пока что не удалось. Затем они надели наушники, включили свои «шпионские» ящички и стали на карачках исследовать пустой офис – мебель еще не завезли. Гордеев, послушавшись некоторое время, почувствовал себя лишним и отправился перекусить.

Тут Филя хлопнул себя по лбу и с ехидной улыбкой вытащил из портфеля какую-то брошюру.

– Что это?

– Раритет, – объяснил Филя. – На русском языке существует в ограниченном количестве экземпляров. В Интернете – не найдешь. Но я тебе по дружбе презентую, в знак особого восхищения участником аварии на трассе «Формула-1».

– Иди ты, – сказал Гордеев.

6

Перекусив в ближайшем кафе, он за чашкой холодного кофе полистал подаренную брошюру. Это было «Полное руководство по обеспечению безопасности должностных лиц и представителей деловых кругов», составленное президентом Института терроризма и внутринациональных конфликтов (США) Нейлом С. Ливингстоуном при участии бывших служащих американского элитного подразделения «Дельта». «В одиннадцати главах пособия, написанных ясным лаконичным языком...» Ну и так далее. Издание исправленное и дополненное, 1989 год.

Гордеев обратил внимание, что между страницами торчит закладка. Ну-ка, ну-ка. Он раскрыл на этом месте.

«...Степень вашей уязвимости становится гораздо выше при совершении поездок на автомобиле или при посадке и высадке из него. В 80 % всех случаев убийств и похищений жертва выбирается, как правило, при совершении поездки на автомобиле или при нахождении ее в непосредственной близости от автомобиля. Среди тех, кто стал жертвой в этих обстоятельствах, были бывший президент США Джон Ф. Кеннеди...»

Ну, Филя, ну, сукин сын! Хотя сравнение, конечно, лестное. Так что тут еще интересного есть?

«Остерегайтесь подслушивания. Операторы телефонных станций в гостиницах имеют обыкновение подслушивать телефонные разговоры, так как звонки обычно проходят через коммутатор, даже если вы набираете номер сами. Будьте осторожны при ведении телефонных разговоров...»

Гордеев фыркнул. Тоже мне большая грамота!

«В коммунистических странах исходите из предположения, что ваш номер может прослушиваться. Это также может иметь место и во многих странах третьего мира. В СССР во многих гостиницах „Интурист“ в любой номер могут поставить подслушивающее устройство...»

Остроумно! Книжечка-то морально устарела. А впрочем, кое-что можно проецировать и на сегодняшний день.

«...Если вам необходимо провести конфиденциальную беседу, включите радио или телевизор или же воду в ванной комнате и разговаривайте тихим голосом. Можно использовать детскую „волшебную“ тетрадь, которая стирает все написанное, как только вы убираете верхний листок. Таким образом можно письменно вести беседу с другим человеком. После пользования „волшебной“ тетрадью убедитесь, что на страницах не осталось следов, так как несложно восстановить то, что было написано на восковой прокладке...»

Гордеев рассмеялся. Нет, все же это выглядит безнадежно наивно.

«Помните, однако, что ваш номер может находиться под визуальным наблюдением. Прогресс, достигнутый в развитии оптико-волоконной техники, привел к тому, что миниатюрный фотообъектив (это не больше чем проводок) можно вставить в стену для передачи изображения в другую комнату...»

Тут Гордеев улыбаться перестал и даже невольно посмотрел вокруг. Ничего, впрочем, подозрительного в кафе не было. Но дело было, конечно, не в кафе. Он просто вдруг подумал, что старый лис Розанов наверняка пока что не сказал ему всего, но ведь вполне можно предположить, что этот новый офис в Химках нужен Розанову для того, чтобы вести здесь конфиденциальные переговоры – подальше от Москвы. А значит, «герметичность» помещения для подобных встреч должна быть на высоте. И здесь придется такую систему безопасности обеспечить – со стопроцентной гарантией!

Гордеев пролистал еще пару глав.

«Обеспечение безопасности места жительства.

Ваш дом – ваша крепость, но без обеспечения мер безопасности он может стать очень уязвимым местом, так же как и ваш автомобиль. Это объясняется тем, что злоумышленник может в течение нескольких дней наблюдать за вашим домом, чтобы выявить уязвимые места и определить время, когда вы находитесь дома. Не случайно представитель ООП Абу Джихад был убит израильскими коммандос именно у себя дома, в Тунисе. Если вам грозит опасность или если вы проживаете в неспокойной стране, еще одна система сигнализации или дополнительный охранник вряд ли обеспечат вам соответствующую защиту...»

Ну ладно, это ни к чему.

«...Если вы увидите людей, работающих с телефонными кабелями около вашего дома, справьтесь у телефонной компании о цели и необходимости этих работ, для того чтобы убедиться, что рабочие не закладывают какие-либо устройства для подслушивания вашей линии. Обратите особое внимание на пустующие дома и квартиры, находящиеся поблизости, чтобы убедиться в том, что они не используются в качестве наблюдательных постов...»

Хм...

«Подслушивающие устройства...»

Ага!

«...Остерегайтесь подслушивающих устройств. В настоящее время существуют миниатюрные, сделанные по последнему слову техники, устройства. Любой датчик (который обычно используется только для радиовещания, в вашей стереосистеме или телевизионных динамиках) можно превратить в подслушивающее устройство. Подслушивающее устройство, вставленное в ваш телефонный аппарат, может записывать разговоры, ведущиеся в комнате, даже если трубка телефона не снимается. Если вас подслушивает ЦРУ или КГБ, имейте в виду, что эти организации обладают новейшими средствами подслушивания, которые очень трудно обнаружить. Обнаружение таких средств стоит очень дорого и требует много времени. Не доверяйте фирмам, которые уверяют, что они могут сделать это всего за несколько часов. Забудьте о новейших технических приспособлениях, которые якобы могут сказать вам, что вы прослушиваетесь. Такие приспособления могут обнаружить только явно незамаскированные подслушивающие средства...»

Ну что же, для этого на свете и существуют Коля Щербак и Филя Агеев.

«Будьте осторожны и не подслушивайте сами себя. Любой микрофон, установленный в вашем офисе, может быть использован как подслушивающее устройство. Сотрудники службы безопасности вашей компании смогут подслушивать ваши разговоры в помещениях, защищенных такой системой...»

Вот это безусловно самое опасное, подумал Гордеев. Кадры решают все. Очень важно, кто будет с ним тут работать. Об этом надо с Розановым серьезно поговорить.

Ай да книжечка! Спасибо Филе.

Гордеев отхлебнул забытый кофе и обнаружил, что он, пожалуй, даже нагрелся: жара по-прежнему стояла адская...

Когда он вернулся в офис и поинтересовался у сыщиков, нашли ли они что-нибудь, оба молча покачали головами. Вид у них был такой сосредоточенный, что Гордеев предпочел не мешать. Оставил ключи от офиса и пошел домой – у него в Химках теперь была съемная квартира.

7

Гордеев проснулся в холодном поту. Ему приснилось, что он женат, причем давно, и ведет со своей законной (!) супругой следующий диалог. Супруга величественно сидит в кресле и смотрит телевизор – без звука, а Гордеев суетливо бежит вокруг нее, предлагая напитки и другие маленькие радости жизни, но супруга от всего гордо отказывается. Гордеев почему-то чувствует вину, хотя вроде бы ничего такого за собой не знает.

– У тебя плохое настроение?

– Нет.

– Что с тобой?

– Ничего.

– Это из-за того, что я что-то сказал?

– Нет.

– Это из-за того, что я что-то сделал?

– Нет.

– Это из-за того, что я что-то не сделал?

– Нет.

– Это из-за того, что я что-то сказал, случайно напомним нечто, что я сделал, но не должен был делать или, по крайней мере, должен был сделать по-другому?

– Может быть.

– Так я и знал...

Нарушил эту «семейную идиллию» телефонный звонок Розанова, который сказал, что в Зеленогорск можно не торопиться. Ситуация изменилась. Какая такая ситуация, было непонятно. Гордеев разозлился и едва сдержал себя, чтобы не сказать что-то оскорбительное, но вовремя сообразил, что Розанов, в сущности, ни при чем.

– Значит, я могу оставаться в Химках?

– Работай, – подтвердил Розанов и положил трубку.

Квартира, которую снял себе Гордеев, находилась недалеко от офиса – на втором этаже кирпичного дома. В новом помещении он освоился быстро. Не то чтобы считал себя человеком совершенно уникальным, но все же с некоторыми своими привычками не хотел расставаться и потому квартиру выбирал достаточно тщательно – с учетом, разумеется, дефицита времени. Хотя если бы времени было побольше и если бы он устраивался здесь действительно надолго, он, пожалуй, тщательнейшим образом подобрал бы и обстановку, перевез бы из Москвы кое-какие любимые предметы и безделушки. А так он довольствовался тем, что тут уже было, но ровно настолько, чтобы это не противоречило его вкусу. Минимум мебели, необходимая бытовая техника, белые стены, окна-стеклопакеты, балкон-лоджия. Единственное, что привез с собой Гордеев помимо ноутбука, одежды и туалетных принадлежностей – это картина, которую ему подарила клиентка и которую он сначала (но не без ее помощи) принял за произведение Шагала, а она оказалась написана Шагиным¹.

Минимализм в квартире царил во всем, кроме пальмы. Пальма была роскошная, она создавала замечательный прохладный оазис без всякого кондиционера, и Юрий Петрович сказал хозяйке, сдававшей ему квартиру, что пальму можно оставить, поливать ее ему будет доставлять особое удовольствие.

Гордеев даже поймал себя на том, что созерцает обстановку с тем приятным чувством, с каким ему доводилось иной раз любоваться в зеркале собственной физиономией после удачно проведенного дела. Положа руку на сердце, ему понравились не только квартира, но и дом, не слишком старый, не слишком новый, и тенистая улица со старыми липами и каштанами, со стильными современными витринами на первых этажах домов и броскими вывес-

ками – маленький кинотеатр, парикмахерская, парфюмерный и книжный магазины, булочная. Прямо перед его окнами, в доме напротив, помещался цветочный магазин. За стеклом витрины видны были цветы, высокие стройные вазоны, декоративный фонтанчик. Цветочнице, брюнетке, высокой и худенькой, с плавными неторопливыми спокойными движениями, на вид можно было дать лет двадцать пять, не больше. Она работала одна, утром поднимала жалюзи, некоторое время расхаживала взад-вперед по своему магазинчику, приводя в порядок цветы, а потом ждала покупателей. Большую часть дня она, видимо, просиживала за прилавком, что-то читая. Но иногда выходила на порог и подолгу смотрела на улицу, где, впрочем, смотреть было особенно не на что.

Гордееву нужно было составить отчет для Розанова – о первых своих шагах в Химках, но его все время тянуло подняться из-за стола, чтобы взглянуть на цветочный магазин. Брюнетка была на месте. Она сидела за прилавком в глубине салона, уткнувшись в журнал. Или стояла в дверях, прислонясь к косяку. Некоторое время Гордеев смотрел на нее, потом снова принимался за работу.

Через полтора часа, взглянув на нее в очередной раз, он кое-что придумал. Сходил в ванную, взял зеркальце, потом вышел на балкон и направил солнечный луч на цветочный магазин. Сначала светлое пятнышко метнулось по витрине, потом прошлось по вывеске и наконец, подобно нитке, которая после долгих усилий попадает в игольное ушко, проскользнуло в дверной проем и легко, ласковым «зайчиком», легло на склоненную голову девушки. Гордеев почувствовал себя школьником, но от намерения своего не отступил. Он задержал луч на волосах, затем направил вниз по обнаженной руке и, нащупав страницу журнала, принялся чуть водить зеркальцем. Девушка продолжала читать, но в какой-то момент все же подняла голову, и тут солнечный «зайчик» попал ей в глаза.

Она вздрогнула и... улыбнулась. Она увидела Гордеева. Вот так номер!

Гордеев тоже улыбнулся, сопровождая улыбку жестом разведенных рук, как бы говорившим: «Милости прошу, заходите в гости». Поколебавшись, девушка кивнула ему. Вот тебе раз. Гордеев, признаться, слегка оторопел. Он отнюдь не надеялся на столь быстрый успех и, чувствуя какое-то приятное возбуждение, показал на часы и спросил: «Когда?» Девушка показала два пальца. Гордеев снова посмотрел на часы: было половина первого. Он помахал ей, вернулся в комнату, сделал пируэт и, потирая руки, удовлетворенно оглядел себя в зеркале. Видимо, в два часа у нее начинался перерыв.

Работалось плохо. Теперь каждые четверть часа Гордеев вставал и подходил к окну: девушка была на месте, сидела за прилавком, уткнувшись в цветной журнал. Заняв в очередной раз свой наблюдательный пост, Гордеев увидел, как она выбирает розы для покупательницы: ее тонкая рука осторожно погрузилась в цветы, взяла одну розу, отложила, снова потянулась к цветам. И он подумал, что девушка очень привлекательна, и еще – что в том, с какой загадочной легкостью она приняла его приглашение, есть что-то волнующее. Тут, впрочем, Гордееву стало немного не по себе. Ему вспомнились не слишком приятная история, которая вышла у него с очаровательной стюардессой, оказавшейся подставной шлюшкой¹. Это произошло в гостинице в одном сибирском городке. В то время как стюардесса ублажала Гордеева, ее стокилограммовая подруга опустошала содержимое его ноутбука. Гордеев инстинктивно оглянулся на свой рабочий стол.

Нет, нельзя быть таким подозрительным, иначе все радости жизни пройдут мимо.

Без пяти два он в последний раз вышел на балкон. Не торопясь, девушка расхаживала по магазину, поправляя в вазах цветы. Затем она вышла и не спеша, в три приема, опустила жалюзи. Он видел, как она пересекла улицу и скрылась в его подъезде. Перед тем как выйти, Гордеев окинул взглядом квартиру. Она оставляла хорошее впечатление: скромное, но не бедное, стильное, в конце концов, жилище. Гордеев был уверен, что обстановка произведет хорошее впечатление на девушку.

Стоя на лестничной клетке, Гордеев услышал, как шелкнул лифт, остановившись на первом этаже, потом звук открывающейся и закрывающейся двери кабины и стук каблучков. Непродолжительная тишина, и затем двери лифта раскрылись на его этаже.

Нельзя сказать, чтобы брюнетка сильно разочаровала его. Правда, издали он принял ее за совершенную красотку; при ближайшем рассмотрении она оказалась лишь молоденькой и соблазнительной: округлое лицо, крупный рот, большие черные глаза. Входя, она сказала, ни секунды не раздумывая:

– Не следовало бы мне заходить к вам. Но знаете, я заглянула, чтобы поздороваться. Мы ведь вроде бы соседи, верно?

Гордеев с улыбкой кивнул.

– Вот, а я вас прежде никогда не видела. Так что я и решила, что нам не мешало бы познакомиться. Сначала я подумала, что это тренер. А потом увидела, что это вы.

– Какой тренер?

– Ну тот, который жил тут до вас, пару месяцев назад, знаете, наверно?

– Нет, не знаю.

– Ну как же, баскетбольный тренер. У нас же тут команда известная – «Химки», он там у них был по физподготовке. Классный тренер. Просто зверь. Жаль, что уехал, с ним наши ребята гораздо лучше играли. Просто летали над площадкой. Понимаете?

– Ага. И что же этот тренер? Где он сейчас?

– Уехал в Пермь. Там тоже сильная команда. Но он тоже так начал – ослепил меня зеркалом. А может, он и научил вас этой шутке, чтобы привлечь мое внимание?

– Нет, я его не знаю, это правда.

– Тогда извините, – она сделала шаг назад.

– Я понимаю, – Гордеев понял, что она сейчас может уйти, – бывают такие совпадения.

Но заходите в гости, раз уж мы познакомились. Меня зовут Юрий.

Девушка немного подумала и сказала:

– Алла.

– Проходите в комнату, Алла, я налью вам чего-нибудь холодного. Хотите морса?

Алла обрадованно кивнула. Она шла впереди, непринужденно болтая, но на пороге комнаты остановилась:

– Я вижу, здесь все осталось, как было. Вы сняли квартиру с обстановкой, да?

На этот раз Гордеев призадумался, прежде чем ответить. Казалось, между ним и девушкой вдруг встало что-то постороннее, какая-то унижительная помеха, которой он не мог пока найти название. Наконец он произнес:

– Мне кажется, квартира практически пустая.

Она на это не отреагировала, зато сказала:

– Ну надо же, какое совпадение: пальма! Это ведь пальма, я не ошибаюсь?

– Да.

– Тренер носился с ней как с писаной торбой. Он уверял меня, что поливает ее каждый день.

Тут Гордеев спросил себя, а стал бы он говорить ей об этом? И определенного ответа не нашел: не исключалось, что так оно и было бы. Девушка продолжала:

– Ну надо же, как интересно! Очень похожая картина висела и у тренера.

– Часто произведения абстрактного искусства только кажутся на одно лицо, а в действительности это далеко не так, – ответил Гордеев с досадой.

Войдя в гостиную, девушка радостно хлопнула в ладоши:

– Да и комнату не отличить. Та же самая мебель, может, только расставлена чуточку иначе.

– Но ведь тут только кресло, стол и диван, – заметил он, подавая ей бокал с морсом.

– Вот я и говорю. – Она осушила бокал в два счета.

На этот раз он промолчал. Девушка уселась на диван и закинула ногу на ногу. Казалось, она была всем очень довольна и явно ждала от Гордеева новых знаков внимания. Гордеев направился было к магнитофону, но передумал, потом вспомнил, что в холодильнике у него есть мартини, однако снова передумал и, присев напротив девушки, спросил:

– Вы позволите задать вам несколько вопросов?

– Сколько угодно.

– Когда вы были здесь в первый раз, тренер ставил музыку?

– Да, кажется.

– И угощал вас чем-нибудь, например мартини?

– Нет, он налил мне вермута.

– Это ведь одно и то же.

– Разве?

– После чего тут же подсел к вам на диван, не так ли?

– Да, подсел, – подтвердила Алла. – А что?

– Постойте. И начал ухаживать за вами?

Вопрос немного смутил ее. Она спросила:

– Извините, но почему вы спрашиваете об этом?

– Не беспокойтесь, – сказал Гордеев, – я не стану задавать вам нескромных вопросов.

Меня интересуют лишь, как говорится, побочные детали. Итак, он начал ухаживать за вами. Сознайтесь, – тут Гордеев на секунду задумался, – для того чтобы вплотную приступить к делу и в то же время не смущать вас, он сперва сел напротив вас, а потом рядом?

– Кажется.

– А потом, например, не погладил ли он вас по руке?

Алла рассмеялась:

– Но как вы угадали?

Как он угадал? Не мог же Гордеев ей ответить, что как раз то же самое собирался проделать и он. Юрий смотрел на девушку, и теперь ему казалось, что ее окружает невидимая черта, которую опасно переступить, как опасно приближаться к столбам с проводами высокого напряжения. В самом деле, он не мог ни сказать, ни сделать ничего, что, видимо, уже не было сказано или сделано при тех же обстоятельствах тренером. И этот тренер, в свою очередь, был не чем иным, как первым зеркалом в бесконечном ряду зеркал, к примеру, парикмахерской, в которых, насколько хватает глаз, он не увидел бы ничего, кроме себя самого. Наконец он спросил:

– Скажите, этот ваш тренер был похож на меня?

– В каком смысле?

– Внешне.

Прежде чем ответить, Алла долго его разглядывала.

– Ага. Чем-то вы с ним схожи.

– А точнее?

– Не могу сказать.

– Ну все-таки?

– Не помню.

– Аллочка, постарайтесь, пожалуйста!

– Ну... Вы оба не уроды, что ли...

– Спасибо.

– ... И не красавцы, не высокие, но и не малорослые, не молодые и не старые. В общем, таких полно.

Гордеев ничего не сказал, только посмотрел на нее, думая, что приключение можно считать оконченным: цветочница превратилась для него в некое табу, и единственное, что ему еще предстояло сделать, это найти благовидный предлог, чтобы выставить ее за дверь. Девушка, кажется, заметила происшедшую в нем перемену и спросила с некоторой настороженностью:

– Что это с вами? Я сказала что-нибудь не то?

Сделав над собой усилие, он поинтересовался:

– А что, по-вашему, много таких мужчин, как я и этот баскетбольный тренер?

– Немало. Вы, как бы это сказать, ну, массовое явление, что ли.

Тут Гордеева передернуло, и девушка вдруг все поняла.

– Ага, догадываюсь! – воскликнула она. – Вы обиделись на то, что я назвала вас серединкой на половинку, сказала, что таких много, правда?

– Не то чтобы обиделся, – ответил Гордеев, – а, скажем, у меня опустились руки.

– Это почему же?

– Так. Мне кажется, что я делаю то же самое, что делают другие, вот я и предпочитаю теперь ничего не делать.

Алла попыталась его утешить:

– Со мной у вас не должны опускаться руки. И потом, клянусь вам, мне больше нравятся такие мужчины, как вы, самые обыкновенные, чтоб ничем не отличались от других, ведь про таких с самого начала знаешь, что они скажут и что сделают.

– Ну вот мы и познакомились, – объявил Гордеев вставая. – А теперь прошу прощения – у меня срочная работа.

Они вышли в коридор. Нельзя сказать, чтобы у девушки был убитый вид, пожалуй, она даже улыбалась.

– Не нужно так злиться. Не то вы действительно станете совсем как тренер.

Гордеев немного оживился.

– А что еще сделал тренер?

– Поскольку я сказала ему однажды, что он мужчина, каких полным-полно, распространенный тип, что ли, он разозлился, ну точь-в-точь как вы, и выставил меня за дверь.

Гордеев молча открыл дверь, и она рассмеялась уже откровенно.

8

Подслушивающих и подсматривающих устройств в офисе Филипп со Щербакom не нашли, зато обнаружили кое-что более любопытное – «клавиатурный жучок». Это совсем свежее изобретение, функция которого, как объяснил Коля Щербак, была предельно проста. Едва на компьютере начиналась работа, о любом прикосновении к клавишам становилось известно кому-то еще. Более того, на экране шпиона, считывавшего информацию, была картинка монитора. «Клавиатурный жучок» был достоянием российской науки, и, кажется, Щербак с Филей этим гордились. А может быть, они просто были удовлетворены, что отработали не зря.

Что же получалось? Розанов решил открыть в Химках филиал. Договорился с отцами города о всяческом содействии и аренде прекрасного помещения в самом центре. После этого в Химки приехал Гордеев, подписал бумаги, закупил оргтехнику и... его тут же кто-то посадил на крючок? Ему продали аппаратуру, которая заведомо будет прослушиваться или просматриваться? Был ли в курсе продавец? И вообще, кто мог знать обо всей этой истории, кроме них с Розановым? Гордеев обдумал ситуацию с разных сторон и решил своего шефа пока в нее не посвящать.

– А можно оставить «жучок»? – спросил он у оперативников.

– Не понял, – сказал Филя, а Щербак почесал затылок.

– Можно ли сделать вид, что я не догадался, но в свою очередь засечь тех, кто охотится за моей информацией?

– Ага, – сказал Филя, что отнюдь не означало «да», а означало, что он понял вопрос. Щербак почесал затылок еще сильнее, а потом ответил:

– Надо звонить Максy.

Макс был штатным компьютерным гением детективного агентства «Глория» и вообще докой по всяким техническим штучкам, гораздо большим, нежели Щербак и Филя, вместе взятые. Единственным его недостатком было то, что из цокольного этажа в доме на Неглинной, который арендовала «Глория», на памяти Гордеева он практически не выбирался. Правда, благодаря этому Макс отменно консультировал по телефону.

Щербак позвонил ему и обрисовал проблему. Макс попросил детально описать «жучок», после чего выдал очередной гениальный, без преувеличения, рецепт – отвезти его вместе с клавиатурой в Москву – к нему, к Максy: он подсоединит «клаву» к своему компьютеру и станет лично работать на ней, дезинформируя «шпионскую сеть». А там видно будет.

Вечером Гордееву позвонил Бомба – Павел Долохов. Он был известным джазовым барабанщиком и менеджером. Когда-то с ним случилась неприятность: он привез в Москву какую-то американскую знаменитость, и у того прямо в московской гостинице исчез саксофон, на котором он играл последние двадцать лет. Именно Гордееву тогда удалось счастливым образом разрешить кошмарную ситуацию. Во-первых, Долохов, по его совету, напоил американца до бесчувствия, а во-вторых, к поискам были подключены сотрудники детективного агентства «Глория», усилиями которых было установлено, что в номер к американцу проникли «любители автографов». Цепочка быстро размоталась, и драгоценный сакс был возвращен протрезвевшему маэстро. В результате тот не был даже до конца уверен, что кража ему не пригрезилась. По большому счету, конечно, повезло, но с тех пор Долохов проникся к Юрию Петровичу уважением.

– Юрий Петрович, можете помочь моему другу?! – не здороваясь, завопил Долохов.

– Сомневаюсь. А что случилось?

– У него серьезные личные проблемы, и я боюсь за его жизнь.

– Пусть обратится в милицию.

- Время дорого! А вдруг он покончит с собой?
- И кто он такой?
- Олег Артемьев, известный художник. Очень модный.
- Не слышал, – отрезал Гордеев.
- Ему всякие знаменитости портреты заказывают. Он на этом имя сделал.
- Как Никас Сафронов?
- Никас Сафронов – это полный отстой, а вот Артемьев – художник что надо. Даже смешно сравнивать.
- Вообще-то мне по барабану, ты не обижайся, но дел сейчас – выше крыши. Мы новый офис открыли и...
- Юрий Петрович! – натурально взвыл Долохов. – Неужели не поможете?!
- Павел, дело в том, что я сейчас не в Москве работаю, и...
- Юрий Петрович, вы знаете, с каким уважением я к вам отношусь, даже с пиететом, даже...
- Короче, – попросил Гордеев, которому надоели эти излияния.
- Короче будет так – я бы не стал вас беспокоить, если бы не боялся...
- Чего?
- Мне кажется, ему до самоубийства недалеко. У него жена Альбина, известная манекеница, сбежала. Я его уговариваю в Химки уехать, но он меня не слушает, торчит в Москве, надеется, что она вернется, и, кажется, тихо с ума сходит.
- Стоп, – сказал Гордеев, у которого внезапно прорезался интерес. – При чем тут Химки?
- Так он же оттуда родом фактически, у него там родители живут, у них чудесный дом, и ему бы сейчас из мегаполиса свалить – самое оно...
- Ясно, – оборвал Гордеев. – А где он сейчас – твой приятель?
- В своей мастерской. Слезы льет.
- А мастерская где?
- В Москве, конечно.
- В Москве, говоришь? Давай телефон.

Почему бы и нет, решил Гордеев. Шеф наверняка поинтересуется, как он наращивает клиентуру в Химках, а ему будет чем отчитаться: модный художник – это хорошо. А то, что он сейчас не в Химках, а в Москве – это частности, лишний повод домой наведаться.

По своему обыкновению, Гордеев порылся в Интернете – есть ли какие-либо упоминания об Альбине за последнее время? И нашел сразу два, точнее, это было одно.

«В Лондоне на одной из вечеринок русская манекеница Альбина Артемьева появилась со множеством кровоподтеков на спине, напоминающих, по мнению прессы, „следы от любовных укусов“. „Она похожа на инопланетянина“, – заявил один из фанатов Артемьевой. Впрочем, наибольшее удивление публики вызвали не синяки, а тот факт, что Артемьева даже не удосужилась прикрыть их и пришла на вечеринку в открытом платье».

«В Лондоне на одной из вечеринок русская манекеница Альбина Артемьева появилась со множеством круглых синяков на спине, напоминающих, по мнению прессы, „следы от любовных укусов“. Удивление публики вызвали не синяки, а тот факт, что она даже не удосужилась прикрыть их и пришла на вечеринку в открытом платье. Кровоподтеки оказались следами от „банок“, хорошо знакомых каждому россиянину, – Артемьева лечила ими бронхит».

Толку от этого было, конечно, немного.

9

Гордеев сперва встретился с Долоховым, потому что тот сказал, что найти мастерскую Артемьева в первый раз самому – нереально. Пока они ехали, Бомба все время крутил ручку настройки радиоприемника – ни одна радиостанция его не удовлетворяла. Гордеев молил Бога, чтобы радио наконец сломалось. Потом он сообразил, что есть тема для разговора, который Бомбу может отвлечь.

– Я помню, ты собирался дом в Финляндии покупать?

Музыкант оживился:

– Ну какой там дом, что вы! Просто друзья там отдыхали, наткнулись на заброшенную школу. Выяснили – продается. Я решил купить, типа дача будет. Красотища – озера, рыба, почти как в Подмосковье. Я весной на одном озере рыбачил, вот где здорово, жалко недолго это продлилось, городок с гнильцой, а так... А вот в Финляндии – круто.

– Какой городок с гнильцой? – машинально спросил Гордеев.

– Зеленогорск этот.

...Гордеев сидел в студии модного художника Олега Артемьева и пытался добиться от него связного рассказа. У Артемьева были всклоченные волосы, красные глаза и изрядная небритость – абсолютно богемный вид в дополнение к академическому образу художника – бархатной курточке и вельветовым штанам, перепачканным краской.

Мастерская Артемьева располагалась в огромном подвале на Тушинской. Тут было метров сто пятьдесят квадратных, никак не меньше.

– Легко ко мне добрались? – спросил Артемьев.

– Без проблем.

– Знаете, когда я впервые устроил тут вечеринку, всем моим гостям показалось, что моя новая мастерская находится где-то в медвежьем углу. Сейчас же коллеги по цеху завидуют, считают, что я прекрасно устроился.

– Значит, вы тут недавно обосновались?

– Пару лет. Раньше у меня была мастерская на Соколе. В один прекрасный момент мне позвонили из управы и сказали, что закончился срок аренды и я должен покинуть помещение, потому что туда собираются въехать иконописцы. На следующий день пришли ко мне крепкие ребята в кожаных куртках. Я, помню, думаю про себя: странные иконописцы какие-то, бритые и на братков похожи. Вежливо прошу их дать мне хотя бы месяц, чтобы подыскать новое место. А они мне: «Два дня тебе на выезд, а то придут братаны и тебя выкинут». «Спасибо, не надо», – отвечаю. Собрался и уехал оттуда. Потом я какое-то время искал место для работы, а потом просто за счет одного призового проекта выиграл право аренды заброшенного подвала. Когда в него пришел – ужаснулся. На полу толстенный слой комаров, которые здесь плодились, но никуда не улетали, так и падали замертво, а по ним бегали огромные крысы. По стенам вода текла, а неподалеку электрощиток искрил и сверкал... Но ничего, постепенно высушил и вычистил подвал, сделал принудительную систему вентиляции, гидроизоляцию стен, пола и, по просьбе соседей, – художник усмехнулся, – звукоизоляцию потолков. Я видите ли, с Долоховым дружу, ну, вы это уже знаете, и люблю иногда его барабаны послушать – у меня много записей.

На стенах висели чучела обезьян, под потолком – видеопушка и... качели. А в отдельном закутке – уютная спальня. Одна стена была расписана иероглифами.

– Вы понимаете по-китайски? – спросил Гордеев, чтобы более непринужденно завязать беседу.

– Кажется, это вы понимаете по-китайски, – не без удивления сказал Артемьев. – Все, кто первый раз видит, почему-то сразу говорят про японскую письменность.

– Да я наобум сказал, – сознался Гордеев.

– Понятно. Я, конечно, знаю, что здесь написано, но сам по-китайски не говорю. Я к этому иначе отношусь. Иероглиф – и рисунок, и одновременно нечто большее. Любой рисунок имеет смысл. Однако у иероглифа он конкретный. В этом отношении противоположностью иероглифа является природа, смысл которой нам часто непонятен. А между природой и иероглифом простирается пространство, которое нам необходимо заполнить. В этом я вижу свою функцию как художника. Понимаете?

Гордеев кивнул, хотя, положив руку на сердце, мало что понял. Он кивнул на потолок:

– Интересно, а жильцы в курсе, кто под ними творит?

– Соседи здесь, конечно, нервные, – печально усмехнулся Артемьев, пуская клубы дыма, – курил он без передышки. – Чуть что – ко мне, говорят, что я виноват в том, что свет в доме отключили или горячую воду. Однажды на моей двери жирными буквами написали «Мазила». Тоже мне, обидели, называется! Но я ведь их вообще не беспокою, появляюсь здесь довольно-таки редко. Разве что барабаны...

– Вы хотите, чтобы я решал ваши коммунальные проблемы? – поинтересовался Гордеев.

– Что вы! – замахал руками художник. – Это так, к слову. Да и, наверное, уеду я отсюда все-таки. Для художника нужна мастерская как минимум двухуровневая и метров в шестьсот. Там должно быть место для складирования, съемки и, наконец, для того, чтобы нормально посмотреть на свою работу. Ведь искусство требует взгляда из пространства, правильно?

Гордеев пожал плечами:

– Вам видней. Хотя... ваш приятель Бомба купил вот себе домик в Финляндии.

Артемьев вздохнул:

– Ему – что? Музыку ведь не украдешь и не испортишь, верно? Но вообще это правильно, вот разберусь со всеми делами и куплю участок в Подмоскowie, где-нибудь за Химками, чтобы от стариков своих недалеко. Построю там себе огромный ангар и буду жить и работать.

– Я слышал, Химки – славный городок, – заметил Гордеев. – Несмотря на название.

– Вот-вот! – обрадовался художник.

– Может быть, пока вы туда все-таки не уехали, расскажете, что стряслось? А то я, видите ли, специально из-за вас в Москву приехал.

– Конечно-конечно! Хотите выпить чего-нибудь?

– Минеральной воды, если можно, без газа. У вас здесь душновато.

Художник сходил к холодильнику и сообщил:

– Есть «перье», но, как вы понимаете, с газом. Будете?

– Годится. Лед только положите...

Наконец они уселись друг напротив друга.

– Дело было так, – сказал Артемьев, вытирая пот со лба. – Народ сновал по Тверской туда-сюда. Я встретил приятеля и остановился потолковать с ним – мы присели в кофейне, которая появилась на месте Филипповской булочной...

– Кого вы встретили?

– Так Пашку же, Долохова, – удивился Артемьев с таким видом, будто все на свете должны быть в курсе того, что и когда с ним происходило.

Гордеев кивнул: понятно, мол, продолжайте.

– ...Я старался не глядеть на женщин. Мы немного поговорили о моей выставке и его концерте. Он сказал, что я гениальный художник, а я сказал, что он гениальный музыкант. Ну, так положено. Мы выпили кофе и попрощались. Я вышел из кофейни и пошел дальше по Тверской. Немного поизучал товар в книжном магазине «Москва». Помню, мое внимание привлекло рекламное объявление: «Умные рыбачат здесь».

– По поводу чего? – спросил Гордеев.

– Понятия не имею.

– Тогда и я не понимаю, объясните.

– Я же пытаюсь! Я вышел из магазина и пошел по Тверской. Я все шел и повторял, как дурак: умные рыбачат здесь, умные рыбачат здесь... Прицепилось. Перешел на другую сторону и направился к какому-то бутику. И остановился как вкопанный перед витриной – там стоял манекен, копия Альбины.

– Кто такая Альбина?

– Моя жена.

– Вы хотите сказать, что манекен похож на вашу жену?

– Нет, это была точная копия ее лица. Она известная манекенщица.

– Продолжайте.

– Я помню, когда для будущего манекена делали форму, Альбина полтора часа пролежала в ванне лицом вниз в вязком латексе и дышала через трубочку. Несколько дней спустя она отправилась в свою последнюю поездку в Париж. С тех пор я ее не видел. И вот я стоял перед витриной и пытался вспомнить, действительно ли она выглядела так? Умные рыбачат здесь, понимаете?!

Артемьев вытащил очередную сигарету, но Гордеев остановил его:

– Послушайте, так не пойдет. Я ничего не понимаю. Или вы мне расскажете все связно и в хронологическом порядке, или я не смогу вам помочь и сразу умываю руки. Я не могу все время расшифровывать ваш поток сознания.

10

Артемьев встретил Альбину в Архангельской области, куда приехал работать вскоре после окончания Строгановского училища. Он уже был тогда довольно известным художником. Ему приходилось жить и в средней полосе, и на юге, он побывал уже и на Дальнем Востоке, но вот на Севере Артемьев еще не был никогда. Он чувствовал, что где-то там таятся сюжеты его будущих картин, и отказался от всех выгодных предложений, которых в Москве имел немало. Как человек истинно творческий, он хотел все попробовать.

В Архангельске они и познакомились. Альбина выросла в этой северной глубинке, духом которой так хотел проникнуться молодой художник. Артемьев встретил ее в баре и не мог поверить своему везению. Он и не собирался с ней знакомиться, но она сама подошла и завела разговор. Пока они беседовали, Артемьев невольно поймал себя на мысли: девочка выглядит как манекенщица и, кажется, даже не подозревает об этом. Она вела себя очень просто, говорила то, что думала, в этом не было ни пошлости, ни банальности, и еще она двигалась с необыкновенной грацией.

Артемьев подумал: такую непосредственную девочку могла взлелеять только провинция. Он представил Альбину на фоне солнечного заката, по колено в янтарных россыпях зерна: он любил писать сельские пейзажи. Своей тонкой, нескладной фигурой она напоминала новорожденного жеребенка. Волосы ее были пшеничного цвета, а может, это ему только казалось. За два месяца, что Артемьев прожил в Архангельске, ему было не до пшеницы, он уже и не помнил, как она выглядит. Артемьев проводил большую часть времени на этюдах и добросовестно делал наброски. Вечерами сидеть в квартире, которую он снял, было слишком скучно, и тогда художник шел в ближайший бар.

Альбина, кажется, поначалу считала, что он – из «золотой молодежи», да и вообще, похоже, в Архангельске бытовало некое всеобщее заблуждение: если кто-то говорил, что приехал из столицы, его считали человеком необыкновенно значительным. Альбина расспрашивала про Кремль, про Садовое кольцо, но главным образом ее интересовали знаменитые ночные клубы. Между тем было совершенно очевидно, что из глянцевого журнала она знала об этих заведениях больше, чем он. Она представляла себе московскую жизнь в виде какого-то привилегированного закрытого заведения.

Альбина познакомила Артемьева со своей подругой, представив его как «модного художника и завсегдатая светских вечеринок», что, между прочим, было явной неправдой.

Не прошло и недели, как она перебралась к нему. Она работала в книжном магазине и думала, что поступит в университет. Но в Архангельске ей учиться не хотелось. Образованность Артемьева ошеломляла и восхищала ее. А для него стремление Альбины к учебе было трогательным. Она даже просила его составить ей список книг для чтения.

Артемьев мечтал написать ее портрет, который произведет фурор. Собственно, он сделал уже десятки набросков, но, честно говоря, был от них далеко не в восторге.

Чем больше он узнавал о прошлом Альбины, тем меньше удивлялся ее желанию начать все заново. Отец ушел из дома, когда девочке было восемь лет, тогда они жили в Северодвинске. Отец в ту пору работал на рыболовецком траулере. А потом уехал куда-то. Последнюю весточку от него Альбина получила уже из Азербайджана, где он, оказывается, добывал нефть на платформе прямо в открытом море. То была новогодняя открытка с изображенной на ней мечетью.

Когда Альбине исполнилось десять лет, они с матерью перебрались из Северодвинска в Архангельск. Мать там вышла замуж за какого-то странного типа, который часто уезжал, а если появлялся, то приставал и к матери, и к дочери. Альбине приходилось самой заботиться о себе. Она не очень-то об этом распространялась, но Артемьев сделал вывод, что мать не слишком

пеклась о ней. Альбина ушла из дома в шестнадцать лет, начала встречаться с парнями, зарабатывала чем придется, какое-то время прожила с парнем, торговавшим «травкой», их связь оборвалась за несколько месяцев до того, как она познакомилась с Артемьевым.

В общем, у нее было очень тяжелое детство, и Артемьев всякий раз напоминал себе об этом, когда начинал искать у нее недостатки.

За восемь месяцев, прожитых вместе в Архангельске, они только однажды навестили ее мать. Та давно уже вернулась в Северодвинск и жила в порту. Она работала санитаркой в поликлинике. При встрече все чувствовали себя скованно. Мать много курила и бесцеремонно шпыняла Альбину. Артемьев предположил, что она привыкла быть в центре внимания и теперь откровенно завидует привлекательности дочери, хотя мать Альбины все еще была хороша собой. Они вообще были очень похожи друг на друга.

Два года спустя, когда они жили уже в Москве, решили пригласить мать Альбины на свадьбу. И невеста с облегчением вздохнула, узнав, что та не сумеет приехать. Приглашение, посланное ее отцу, вернулось с пометкой: «Адресат выбыл».

Перед свадьбой было венчание. В церкви со стороны невесты присутствовал дальний родственник, какой-то троюродный дядюшка, как бы свидетельствуя о том, что у Альбины тоже есть какое-то прошлое и что жизнь ее не началась с того дня, как она приехала в Москву.

Поначалу было трудновато с деньгами. Артемьев не заработал на то, чтобы купить или снять приличное жилье, и они несколько месяцев прожили в Химках – в большом родительском доме.

Родители Артемьева не пришли в восторг от выбора сына и тем не менее делали все возможное, чтобы Альбина чувствовала себя как дома. Кроме того, их немного успокаивало, что молодые не спешат заключать брак – родители Артемьева были люди без предрассудков: отец – мостостроитель, мать – эпидемиолог. Единственное, в чем мать была непреклонна всю жизнь, это в требовании, чтобы домочадцы мыли руки перед едой. Впрочем, она никогда не прогнала бы от своего дома даже бродячей собаки, а уж если слышала, как бедствуют дети в других странах, всегда добровольно вызывалась помочь и доставала кошелек. Вот и к Альбине она отнеслась как к беженке, тем более что облик и поведение девушки вполне соответствовали такому образу. Она будто сошла с рекламного объявления: «Вы можете равнодушно перевернуть эту страницу, а можете спасти ребенку жизнь». Альбина стала называть родителей Артемьева «мамочка» и «папочка», она была совершенно очаровательной и всегда готовой угодить. Правда, Артемьев-старший как-то деликатно спросил сына: не боишься ли ты, что разница в вашем воспитании может некоторым образом повлиять на твою семейную жизнь? Впрочем, это был единственный случай, когда отец попытался предостеречь сына.

Они перебрались в Москву, и быт налачился. Артемьев как художник становился все более известен.

После двух лет, что они прожили вместе, женитьба казалась естественной. Правда, временами Артемьева одолевало смутное беспокойство – достаточно ли он вообще «нагулялся», но, по здравом размышлении, он принял решение жениться. Альбина же не просто жаждала вступить с ним в брак, она опасалась, что Артемьев бросит ее, и, по-видимому, полагала, что женитьба отсрочит или, быть может, даже предотвратит его бегство. Честно говоря, Артемьев не хотел ни раскрываться перед ней, ни лезть к ней в душу. Возможно, просто боялся, что в душе у нее – пустота. Но в конце концов он решил не питаться иллюзиями. Когда взрослеешь, начинаешь понимать, что нельзя требовать даже от близкого тебе человека слишком много. Достаточно того, что она вкусно готовила и писала ему любовные записки.

Предложение было сделано отнюдь не в романтической обстановке. Это случилось после того, как Артемьев задержался с друзьями на вечеринке, куда Альбина пойти не захотела. Артемьев прокрался в дом почти на рассвете и обнаружил, что она не спит и смотрит телевизор – без звука. Она была в ярости. Она сказала:

– Ты ведешь себя так, словно ты один!

Еще она сказала, что хочет связать свою жизнь с человеком, который был бы ей предан. Ей не нужен бродяга вроде тех, которых вечно приводила в дом ее мать. Артемьев был виноват вдвойне, потому что у нее болела голова. Да он и сам понимал: она права. Артемьев почувствовал себя скверно, и ему захотелось изменить свою жизнь к лучшему. Захотелось вознаградить ее за то мерзкое существование, которое досталось ей в детстве. Он сказал, что женится на ней, и она, подувшись, приняла предложение. Так все и произошло.

Вообще же она приехала с ним в Москву, не имея представления о том, чем будет заниматься. Она снова заговорила было об учебе, но потеряла к ней всякий интерес, когда подошло время готовиться к вступительным экзаменам. По большому счету, она и сама не знала, чего ей хочется. Несколько месяцев она просто смотрела телевизор. Артемьев не мешал и не возражал. Он знал, что истинно творческим людям иногда нужны паузы, чтобы разобраться в себе.

Альбине же неоднократно советовали стать манекенщицей: она вполне подходила по внешним данным. И вот однажды она, за компанию с подругой, заглянула в одно агентство и вернулась домой с контрактом.

Поначалу работа ей претила, и Артемьеву казалось, что это говорило о цельности ее натуры. Пока она не стала принимать свою профессию слишком всерьез, Артемьев полагал, что все идет хорошо. И даже очень хорошо, поскольку она начала приносить домой приличные деньги. А потом Альбина вдруг вспылала страстью к антиквариату, и их дом начал наполняться бесчисленными канделябрами, статуэтками, зеркалами в бронзовых рамах и прочей старинной чухью.

Раз в неделю она грозилась уйти из агентства. Она ненавидела фотографов, продюсеров, всяких ловкачей, выющихся вокруг этого бизнеса. Ненавидела манекенщиц. Она чувствовала себя виноватой, получая деньги за свою внешность, и при этом была не уверена в себе. Она даже собралась пойти на курсы секретарш. Артемьев возражал, ибо полагал, что работа секретарши тоже не сахар. Убеждал ее потерпеть немного, поднакопить деньжат, а потом она сможет делать что захочет.

Он считал, что демонстрация мод была для нее своего рода причудой, поскольку она позировала лишь ради заработка и не была настоящей манекенщицей. Но Альбина заметно изменилась. Они часто вместе посмеивались над профессиональными манекенщицами, считавшими любой прыщик язвой и полагавшими, что климакс наступает в двадцать пять лет. Они оба презирали людей, для которых приглашение на вечеринку в престижное место по случаю дня рождения какой-нибудь эстрадной звезды было великим достижением – вроде покорения Эвереста. Они тем не менее шли туда, посмеиваясь про себя, и пока Альбина общалась с гостями, Артемьев в туалете нюхал кокаин из личных запасов ближайшего друга упомянутой эстрадной звезды.

Хозяйка агентства частенько вправляла Альбине мозги, говоря, что, если та хочет стать профессионалом, она должна относиться к работе более серьезно: перестать стричься в дешевых парикмахерских, не чураться нужных знакомств. Альбину это забавляло. Она посмеивалась над своей агентшей, толстой теткой с повадками коменданта студенческого общежития и душой сводни. Однако уже несколько месяцев спустя Артемьевы начали ходить в рестораны подороже, и Альбина стала делать укладку в салоне Зверева.

В первый раз отправляясь во Францию на весенний показ мод, Альбина расплакалась в аэропорту. Она напомнила мужу, что за полтора года они не разлучались ни на одну ночь, и твердила, что пошлет все к чертям, обойдется без Франции и завяжет с этими дурацкими модами. Но Артемьев убедил ее поехать. Каждый вечер она звонила из Парижа...

В дальнейшем их расставания становились менее болезненными.

Артемьев был погружен в свою работу с головой – не вылезал из мастерской. Иногда он приходил вечерами домой и заставлял жену спать. Утром, завтракая, поглядывал на Альбину,

и ему часто казалось, что в мыслях она где-то далеко отсюда. Она сидела, опершись локтями на кухонный столик, теребя пальцами прядь волос, склонив голову набок, словно слушала голоса ветра. В ней всегда было что-то неуловимое – что-то такое, чего Артемьев никак не мог разгадать. Это беспокоило его. Артемьев подозревал, что она сама не отдавала себе отчета в том, почему ее страстно влекло то к нему, то к работе, то к безудержному накопительству и столь же безудержным тратам, то к пропавшему отцу, которому она вдруг начинала писать длинные письма, то к идее свадебного путешествия, которое у них так и не состоялось. При всем этом ей постоянно чего-то не хватало. Но она по-прежнему готовила исключительно вкусные обеды и оставляла ему любовные записки.

Однажды Альбина снова заплакала, на этот раз собираясь в Лондон. Артемьев спросил ее, в чем дело. Она сказала, что нервничает в связи с поездкой. Когда подъехало такси, она уже успокоилась. Когда они поцеловались у двери, Альбина уже деловито велела ему регулярно поливать цветы.

Накануне возвращения, спустя три недели, она позвонила. Голос ее звучал необычно. Альбина сказала, что домой не вернется. Артемьев не понял.

– Прилетишь другим рейсом?

– Нет.

– Тогда как?

– Я остаюсь, – сказала она.

– Надолго?

– Извини. Я искренне желаю тебе всего хорошего. Правда желаю.

– Что ты говоришь?! – закричал он.

– Я отправляюсь на следующей неделе в Рио с группой журнала «Вог», а затем в Грецию – сниматься на натуре. Здесь я по-настоящему становлюсь профессионалом. Понимаешь? Извини, я не хотела причинить тебе...

– Профессионалом? – сказал он. – С каких это пор гребаная демонстрация мод стала для тебя профессией?!

– Извини, – снова сказала она. – Мне пора.

Но он не позволил ей положить трубку, он потребовал объяснений. Альбина сказала, что теперь она счастлива и ей нужен простор.

На этом разговор закончился.

Несколько дней Артемьев слал через океан телеграммы, звонил по телефону и наконец обнаружил ее в каком-то отеле в Рио-де-Жанейро. Когда она подняла трубку, голос ее звучал устало.

– У тебя другой мужчина? – сразу же спросил он.

Те дни и ночи, что он искал ее, он только об этом и думал.

– Не в том дело, – сказала она.

– Не в том?! Так он есть или нет?!

– Есть.

– Значит, все-таки есть?

– Да, но дело не в этом.

– Кто он такой?

– Он фотограф.

– Вероятно, того типа, что называют себя художниками, да?! – закричал Артемьев. – Я не могу поверить!

– Придется.

Артемьев напомнил Альбине, как она сама говорила, что все они, эти фотографы, голубые.

Она сказала:

– Напротив, милый... – И этим добила его.

По-видимому, ее слова означали, что сам он не на многое способен.

Когда Артемьев позвонил еще раз, она уже выехала из гостиницы.

Несколько дней спустя позвонил человек по фамилии Финкельштейн, который назвался ее адвокатом.

«С вашей стороны, – сказал Финкельштейн, – для расторжения брака было бы проще всего подать в суд на мою клиентку за, так сказать, оставление супруга. Это просто юридическая формула. Моя клиентка, т. е. ваша жена, не будет ничего опротестовывать, вы можете разделить имущество пополам, хотя она претендует на антиквариат, который остался в вашей квартире».

Артемьев положил трубку и... заплакал.

Адвокат Финкельштейн перезвонил через несколько дней и сообщил, что Альбинына машина («мерседес» 95-го года) и их общий счет в банке (около полутора тысяч долларов) теперь принадлежат Артемьеву. Вообще-то, у Альбины давно уже был свой отдельный счет, куда и поступали все ее многотысячные гонорары. Артемьев потребовал ответить, где его жена, но адвокат уже закончил разговор.

Через день он позвонил снова и спросил, какую сумму Артемьев просит, чтобы уладить дело. Артемьев распахнулся и назвал его сутенером.

Это было несколько месяцев назад. Никому из знакомых Артемьев ничего не сказал. Когда его спрашивали об Альбине, он отвечал: жива-здоровая. Его отец и мать ничего не знали. Беседуя с ними по телефону, он регулярно сообщал, что все в порядке. Артемьев полагал, что его сыновний долг – казаться счастливым и преуспевающим, это самое малое, что он мог сделать для родителей в благодарность за все, что они, в свою очередь, сделали для него. Однако как быть дальше, он не знал. Альбину его родители никогда не простят. Поэтому пока существовал шанс, что она вернется, Артемьев не хотел, чтобы родители знали о ее предательстве. Он переживал свое несчастье один. Объяснял родителям, что его держат в городе работа, обязательства, заказы, хотя до родного порога было всего час-полтора езды. Конечно, рано или поздно к родителям придется ехать, но Артемьев пытался оттянуть встречу как можно дольше.

...И вот вчера он оказался перед бутиком на Тверской и уставился на манекен. Да, вот так она и выглядела перед отъездом – отсутствующий взгляд, крепко сжатые губы. Когда же его Альбина успела превратиться в манекен?!

Артемьев, пытаясь выместить свои чувства, принялся орать на пластиковую фигуру в витрине. Но подошел милицейский наряд. Двое вежливых молодых людей в форме проверили у него документы и предложили покричать где-нибудь в другом месте.

На его счастье, мимо проезжал все тот же Пашка Долохов. Он затащил Артемьева в свой «фольксваген» и вытянул из него все, что так мучило друга последние дни. Потом они заехали в клуб «Бункер», там выпили, и Долохов оттуда же позвонил Гордееву. Вот и вся история.

11

Наступила пауза. Гордеев пил минеральную воду, Артемьев смотрел в пол.

– Чего же вы хотите от меня? – спросил Гордеев.

– Чтобы вы ее нашли.

– В таком случае, вам нужен частный сыщик, а не адвокат. Я бы мог порекомендовать весьма компетентных...

Артемьев тут же перебил:

– Я не хочу разводиться, понимаете?

– Это другое дело, – кивнул Гордеев. – Но может быть, скажете, почему?

– Потому что я ее люблю! Разве недостаточно? – раздраженно ответил художник.

– В общем-то да, но...

– Что? – Артемьев в сотый, наверное, раз закурил, сделал несколько затяжек и тут же смял сигарету.

– Но позвольте вам не поверить. Нет, я говорю не о ваших чувствах, мне кажется, что у вас есть какой-то более осязаемый мотив, который сейчас движет вами.

Артемьев задумчиво молчал какое-то время. И Гордеев понял, что оказался прав. Да и немудрено: опыт, тот, который сын ошибок трудных, его ведь не пропьешь, как ни старайся.

– Ну так как же, Олег? – не выдержал наконец Гордеев, придя к выводу, что художник вообще не собирается отвечать на вопрос.

– Статуэтка, – сказал Артемьев.

– Статуэтка? – переспросил Гордеев.

– Да, статуэтка, – подтвердил Артемьев. – Она забрала с собой мою любимую статуэтку. Я хочу ее вернуть.

– Вы, наверно, шутите? – осторожно сказал Гордеев.

– Я хочу вернуть свою статуэтку. Пока не дошло до развода.

– Она какая-то ценная?

– Для меня – да.

– А вообще?

– Едва ли. Обыкновенная статуэтка из слоновой кости. Одногорбый верблюд. Я сам ее сделал. Я подарил ей этого верблюда к нашей свадьбе. А теперь хочу вернуть! – В голосе Артемьева зазвучал несвойственный ему металл.

– Большая статуэтка?

– Сантиметров двадцать в высоту.

Гордеев оценивающе посмотрел на него.

– Вот, значит, как? А наш общий знакомый решил, что вы близки к суициду.

– Может, и близок, – сказал художник без всякого выражения.

– Едва ли. Человек, которого заботит судьба статуэтки, производит впечатление... впечатление... – Гордеев затруднился с подбором подходящего слова.

– Сумасшедшего? – подсказал Артемьев.

– Я совсем не это имел в виду.

– Психа?

– Да хватит вам, – поморщился Гордеев.

– Нет уж, говорите как есть! Меня многие считают психом, я знаю! – воинственно сообщил Артемьев.

– Вот как? Кто же, например? Долохов считает?

Артемьев уставился на него, и в эту секунду Гордеев мог поклясться, что тот просто не понимает, о ком идет речь. Впрочем, возможно, не такие уж они с Долоховым близкие друзья, кто знает?

– А у вас было много клиентов-психов? – спросил художник.

– Вы не ответили на мой вопрос.

– Баш на баш? – предложил Артемьев.

– Ладно. Встречались такие, чего уж скрывать.

– А были такие, которые сами организовали преступление?

– К чему вы клоните? – нахмурился Гордеев.

– Ну ответьте, пожалуйста!

– У меня нет, но у моего приятеля однажды... – Гордеев вспомнил дело знаменитой балерины Кутилиной, которое расследовал Денис Грязнов¹, директор агентства «Глория».

– И он не догадался?

– В какой-то момент догадался. Послушайте, Олег, какого черта? Что за неуместные вопросы? К чему вы клоните и на что намекаете? Хотите создать у меня ложное впечатление? У вас не получится. Я вижу, что вы глубоко несчастны. Но вижу, что здесь есть что-то еще.

– Вы так проникательны?

– Назовите это опытом. Ну так как же насчет ваших друзей? Они считают вас психом?

– Кое-кто... Нет, Долохов тут ни при чем, мы с ним вообще не часто общаемся. Скорее коллеги-художники, черт бы их побрал. – Артемьев ухмыльнулся. – Послушайте, Гордеев, давайте поедem куда-нибудь выпить!

– Поехать куда-нибудь я не против, – согласился адвокат, у него были свои резоны. – Только пить, по-моему, вам не следует.

– Как скажете. Сейчас я переоденусь и двинем. Вы на машине?

– Да.

– Отлично, а то я свою разбил на днях... – Артемьев натянул свежую рубашку.

– Сильно разбили?

– Не так чтобы очень... Дурацкая какая-то история. Откуда ни возьмись вылетела из-за угла тачка, и я в нее впечатался. Прямо в бок. Думал, покалечу там всех. Но ничего, целы. Только «мерс» помял сильно.

– У вас «мерседес»?

– Не у меня – у них... Я готов, пошли.

Они вышли из мастерской, и Артемьев запер замок.

– А что за «мерс»? – спросил что-то вдруг почувствовавший Гордеев.

– Обыкновенный «мерс», черный.

– Не триста двадцатый, случайно? – Они уже садились в машину Гордеева.

Артемьев наморщил лоб:

– Вроде да. А как вы догадались?

– А за рулем был здоровенный жлоб и рядом с ним хрупкая блондинка?

– Точно. Вы их знаете?

– Это обычный «развод». Авария была подстроена. Они «развели» вас на деньги. Или вы ментов вызвали?

– Нет, я был нетрезв, честно говоря, и мне хотелось поскорее отмазаться. Тем более я был уверен, что сам виноват...

– Это не так. И это можно доказать. Свидетели были? С вами еще кто-нибудь ехал в машине?

Артемьев покачал головой. Потом спохватился:

– Слушайте, да какое вам дело? Мы же с вами совсем по другому поводу...

Ладно, подумал Гордеев, замнем пока. Но для коллекции пригодится. Всему свое время. Время врезаться в «мерседесы» и время платить по счетам.

12

– Живопись-шмивопись, ерунда это все, – говорил захмелевший Артемьев через час, сидя в модном клубе. – Знаете, чем только сегодня художники ни зарабатывают? Один мой приятель, ну, не приятель, знакомый, так вот, он положил двадцать пять куриных яиц в картонную коробку, поставил параллельный и направленный свет – в результате получилась действительно интересная работа. Он ее на компьютере обработал и так и эдак. Потом распечатал на фактурной бумаге. Сбрызнул специальными спреями, чтобы краской пахла, и наклеил на холст. Потом продал в Дюссельдорфе за тридцать тысяч.

– Долларов? – усомнился Гордеев.

– Евро.

– Неужели правда?

– Точно не знаю, думаю, соврал насчет цены, а на самом деле наверняка дороже загнал. Сейчас у художников принято занижать.

– Ну и ну! – Гордеев покрутил головой. – А вы, значит, тоже дорого свои картины продаете? Мне Долохов говорил, что вы модный художник.

– Свои я не продаю, – хмуро объяснил Артемьев. – То, что я продаю, делается изначально на заказ, а это обычно портреты. Свои я себе оставляю. Или делаю их в таком месте, где их никто не трогает, но они принадлежат сразу всем.

– Что вы имеете в виду?

– Ну, я часто клубы оформляю, рестораны, какие-то здания расписываю.

– То есть вы востребованы, – сделал вывод Гордеев. – И нехило зарабатываете?

– Ну... в общем и целом... – неуверенно сказал Артемьев. – Последнее время...

– Вы поймите меня верно, Олег, это не праздное обывательское любопытство. Я хочу понять обстоятельства вашей жизни, с тем чтобы общая картина помогла мне сделать вывод об импульсах вашей жены. Движущих силах, так сказать.

Гордеев внимательно смотрел на художника, а тот смотрел себе под ноги. «Так он мне сейчас и скажет, – подумал Гордеев. – Да какие там, на хрен, импульсы, загуляла девка, вот и все импульсы!»

Молчание. Не сказал. От скромности? Из вежливости? Вряд ли. Похоже, в своей тоске парень дошел до ручки и стесняться сейчас не стал бы. Ее уход оказался для него полной неожиданностью, и, возможно, он по-прежнему не верит, что его элементарно бросили. При этом он не производит впечатления пресыщенного самца. Он – работяга, которого Бог, кажется, еще наградил и умом, и талантом. Он заслужил свою модель, хотя бы потому, что в каком-то смысле сам ее вылепил, как Пигмалион Галатею. Вопрос в другом, действительно ли она так хороша, что он с ума по ней сходит? А впрочем, какая разница, пусть у нее хоть горб будет, если парень по-прежнему влюблен, для него это не имеет значения... А что, это вообще-то вариант – горбатая манекенщица...

Гордеев потряс головой, но художнику показалось, что адвокат любителю интерьером.

– Это еще что! – довольно хмыкнул Артемьев. – Вот они скоро открывают тут летнюю площадку с перьями, блестками, трансвеститами и собираются привезти какого-то важного диск-жокея.

Неизвестно откуда появился Бомба Долохов.

– Привет, орлы! – Он отсалютовал пустым стаканом и умудрился ловко швырнуть его на поднос проносащегося мимо официанта.

– Вот взяли бы они тебя диск-жокеем? – предложил Артемьев. – Может, здесь и нормальным людям поинтересней бы стало?

– А что? – оживился Бомба. – Я еще в детстве стучал на маминых кастрюлях, вязальными спицами наяривал!

И Бомба исчез так же мгновенно, как появился.

– Не надо, – Артемьев повернулся к Гордееву. – Если он заиграет – здесь стены рухнут. А это не в моих интересах. Мои стены тут – самое лучшее... Знаете, в свое время я считал себя очень привлекательным...

Гордеев хотел было сказать Артемьеву, что тот и сейчас вполне ничего себе, но вовремя сообразил, что получится не слишком уместный комплимент – от мужчины мужчине.

– ...При этом подразумевалось, конечно, что у меня очаровательная жена и отличная карьера. Кроме того, я живу в столице и отнюдь не ощущаю себя сторонним наблюдателем. А ведь это важно... Для меня это очень важно. В детстве я был замкнут. Мне все время представлялось, будто все посвящены в некую великую тайну, которую от меня скрывают. У остальных, казалось, есть в жизни какая-то особая цель. Эта убежденность возрастала каждый раз, когда я переходил из одной школы в другую... Отец тогда часто менял работу, мы все время переезжали с места на место, и я снова оказывался в положении новичка. Каждый год я должен был постигать очередной свод условностей. И, только окончив школу, я начал познавать секреты того, как завоевывать друзей и оказывать влияние на других.

– Цитата из Карнеги? – усмехнулся Гордеев.

– Да. Но, даже став докой в этом деле, я все же понимал: у меня это умение – приобретенное, а у других оно – врожденное.

– Так вам впору гордиться собой, – заметил адвокат.

– Не получается, – честно признался художник. – Мне удавалось обмануть окружающих, но я не переставал бояться, что когда-нибудь буду разоблачен как обманщик и самозванец. Именно так я и чувствую себя сейчас. Даже теперь, когда можно бы побахвалиться своими достижениями, не выходит...

Между тем какая-то женщина, похожая на некую знаменитость, пройдя через зал, помахала рукой в их направлении. Артемьев помахал в ответ. Его улыбка стала кислой, едва женщина скрылась из виду.

– Обратите внимание, – сказал он, – силиконовая имплантация.

– Вот как? – удивился Гордеев. – А мне она показалась довольно плоской.

– Да не сиськи, – объяснил художник, – щеки. Это же... – И тут он назвал, видимо, достаточно известную в их кругу фамилию. – Разве вы не узнали? Она сделала эту дурацкую силиконовую вставку, чтобы казалось, будто у нее есть скулы. А все потому, что один мой знакомый скульптор, которому она позировала, брякнул ей, что у нее недостаточно фактурный профиль.

– Совсем люди с ума посходили, – резюмировал Гордеев.

– Да уж, – вздохнул художник.

Тут в зале наступило некоторое оживление. Оказалось, что Бомба, вдохновленный новой идеей, договорился с диск-жокеем и временно занял его место. Он остановил уже запущенную было пластинку и завыл дурным голосом:

Гордеев вздохнул и посмотрел на Артемьева.

– Что? – безо всякого выражения спросил художник.

– Какого черта вы меня сюда затащили? Мне, знаете ли, не двадцать лет, и меня вся эта галиматья совершенно не бодрит.

– Хотите меня уверить, что предпочли бы консерваторию?

– Хочу сказать, что с большим удовольствием отправился бы на боковую или просто выпил.

– Это никогда не поздно, – художник кивнул в сторону бара.

– Ладно, хватит уже с вас на сегодня.

– Относительно сумасшествия, – сказал Артемьев после паузы длиной в сигарету. – Это не шутка была.

– Вы о чем? – удивился Гордеев.

– Да все о том же. Я не псих.

– Я и не говорил, что вы псих.

– Но подумали, – настаивал Артемьев.

– Даже и не думал! – Гордеев уже устал защищаться.

– Правда?

– Правда.

– Понимаете, – сказал Артемьев после новой продолжительной паузы, – обо мне многие так думают, я знаю. Возможно, я даю для этого какие-то основания. Возможно, я слишком подозрителен. Но у меня были основания. В принципе, можно и к сорняку относиться с подозрением: каковы его истинные цели? Кто его послал в мой огород? Но в один прекрасный день вся шелуха отпадет, и мы узнаем его истинную природу. Правда, к тому времени сорняк прорастет повсюду и будет поздно. Сорняк, или то, что мы принимали за сорняк, будет диктовать нам условия. Понимаете, когда моя личная жизнь усложнилась и приобрела такой... драматический характер, беспокойства о сорняке отошли куда-то на задний план. Я понял, что величайшая боль приходит не с далекой планеты, а из глубины сердца... Альбина сказала, что я параноик, и исчезла, а потом моя мастерская была буквально разгромлена. Помню, прихожу я, открываю дверь и что вижу? Сплошной хаос: все – вдребезги, шкафы взломаны, ящики валяются по всему полу пустые, холсты порваны.

– Вы серьезно? – спросил ошеломленный Гордеев.

– Да.

– Это было до ее исчезновения?

– После. И, помнится, я тогда подумал: «Ну хорошо, неприятность, конечно, чертовская, зато как здорово все укладывается в теорию о „параноике“. Но если честно, я даже проверялся у довольно известного психоаналитика, и он сказал мне: „Вы – человек аффектированный, склонный к театральности, вы полны иллюзий по отношению к жизни, но тем не менее вы слишком сентиментальны, чтобы быть параноиком“. А я однажды проверил себя при помощи так называемого мультифазного психологического теста, и проверка эта показала, что я параноик, невротик и шизофреник.

– Ну да?! – не поверил Гордеев.

– Правда-правда! Это такой тест, он из кого хочешь психа сделает. По отдельным пунктам у меня были такие высокие показатели, что их общая сумма, согласно инструкции, дала такой результат. Но тест выявил также, что я – неисправимый лгун! Видите ли, по этому тесту вам несколько раз задают один и тот же вопрос, сформулированный каждый раз по-разному. Скажем, мне говорят: «Существуют божественные существа, которые правят миром». И я подтверждаю: «Да, возможно, что так оно и есть». Немного спустя говорят: «Я не думаю, что существуют божественные существа, которые правят миром». И я говорю: «Да, по-видимому, это так, я знаю множество причин, чтобы согласиться с этим утверждением». А еще позже предлагают формулировку: «Я не уверен в том, существуют ли божественные существа, которые правят миром». И я говорю: «О да, это абсолютно верно». И в каждом случае я отвечаю совершенно искренне. Если взглянуть на эту ситуацию с философской точки зрения, то я веду себя как кое-кто из парней, живших во времена древних греков, которые хвастались тем, что живут, как собаки. Любой аргумент, который мне приводят в подтверждение той или иной теории, убеждает меня в ее справедливости. Вот если бы вы предложили мне сейчас заказать пиццу, я немедленно согласился бы, что это лучшая идея, которую я когда-либо слышал. Более того, вы вполне могли бы заставить меня заплатить за нее из собственного кармана. Но если бы вы спросили вдруг: «А не думаете ли вы, что пицца стоит слишком дорого, питательность

ее очень мала, ну и так далее?» – я немедленно ответил бы, что вы правы, я терпеть не могу это дерьмо. Это, как я догадываюсь, свойство любой слабой натуры...

Гордеев молчал. Он уже давно пожалел, что согласился на эту поездку в ночной клуб.

Бомбу убрали с пульта. Теперь музыка перемежалась заявлениями диск-жокея:

– Не нуждается в особых доказательствах тот факт, что во всем животном мире самцы имеют более яркое оперение, более интересные шкуры, более ветвистые рога, и, вообще, они более привлекательны и красивы, чем самки! И это несмотря на то, что в животном мире любое живое существо изначально поставлено в условия жесточайшей борьбы за существование, которые вроде бы должны делать животное как можно менее заметным для окружающих, чтобы лучше скрываться от бесчисленных внешних врагов и опасностей! Значит, даже в условиях жесточайшей борьбы за существование именно самцы, а не самки сохраняют более яркие оперение и шкуры! А значит, ими движет еще инстинктивная тяга к продолжению рода или же эрос. То есть желание привлечь к себе внимание самок в животном мире у большинства самцов на инстинктивном, подсознательном уровне оказывается сильнее, чем желание выжить самому! Приходится признать, что самцы в животном мире и в наши дни подвергают себя значительно большему риску, чем самки... из-за чего? Из-за красоты!

И затем снова рев музыки.

Гордеев слушал все это с нарастающим изумлением. Тем временем возле них очутилось какое-то существо неопределенного пола. Артемьев, кажется, его не замечал.

– Олежек, лапочка, познакомь меня со своим другом, – проворковало существо, которому надоело топтаться безрезультатно.

– Юрий Петрович его зовут, – вяло представил Гордеева Артемьев.

– Вали отсюда, – тут же сказал Гордеев, и существо как ветром сдуло. Гордеев осмотрелся. – Куда вы меня привели?! – Тут только адвокат и обнаружил, что остальные посетители были того же поля ягоды.

– Это клуб для сексуальных меньшинств.

– Какого черта мы сюда вообще приехали?! – с изумлением спросил Гордеев.

– Я тут оформлял интерьер, – сказал Артемьев без выражения, поглощая очередную порцию виски.

– Ну и что с того?

– У меня тут открытый счет, платить ни за что не надо.

– Так, Олег, быстро встаем и уезжаем, – сказал Гордеев тоном, не терпящим возражений.

13

На следующий день Юрий Петрович перелопатил всю светскую прессу, переговорил с массой знакомых и выяснил следующее.

За неделю до своего рокового отъезда Альбина Артемьева трижды встречалась с одним человеком. То есть, конечно, она общалась многократно с самыми разнообразными людьми – из своего модельного агентства, с фотографами, журналистами, с мужем, наконец, но это все была ее обычная орбита. Тут же ее видели с человеком из совсем другого бизнеса – музыкального. Эту даму, известную в узких кругах, ранее с Альбиной никак не пересекавшуюся и не имевшую с ней решительно ничего общего, звали Александрой Грушницкой. Гордеев уточнил это у Артемьева. Адвокату не составило труда найти телефон Грушницкой и созвониться с ней. О встрече, правда, договориться было труднее, но и тут проблема была в конечном счете решена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.